



Стася
АНДРИЕВСКАЯ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Как цветет
ХУЛИГАН

Стася Андриевская
Как целует хулиган
Серия «Если мы захотим», книга 1

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69593806

SelfPub; 2023

Аннотация

Вернувшись из армии, Данила знакомится с девчонкой, от которой ему с первой же их безумной ночи начисто сносит крышу. Ради неё он готов свернуть горы и даже, покончив с хулиганкой, начать новую жизнь. Однако всё летит к чёрту, когда выясняется, что эта девчонка – девушка его лучшего друга. Третий должен уйти, это факт. Вот только не понятно, кто из них троих третий...

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	9
Глава 3	15
Глава 4	20
Глава 5	26
Глава 6	32
Глава 7	40
Глава 8	48
Глава 9	57
Глава 10	68
Глава 11	76
Глава 12	82
Глава 13	91
Глава 14	98
Глава 15	105
Конец ознакомительного фрагмента.	111

Стася Андриевская

Как целует хулиган

Глава 1

– Девушка, вашей маме зять случайно не нужен?

Девчонка обернулась, встретились взглядами. Мгновенье, другое... Данила закусил губу – ох и красивая же, зараза! А вблизи так ещё лучше! Из всей толпы единственная такая, недаром аж с соседнего перрона заметил.

– Зять? – капризно сморщила она нос. – Это ты про себя что ли? Да боже упаси! – И отвернулась, словно он пустое место!

Задело. Аж за ушами защемило от такой наглости! Крутанул армейскую кепку козырьком назад, нахлобучил поплотнее.

– Эй, дерзкая, как целует хулиган, знаешь?

– Слушай, тебе проблемы нужны? – снова обернулась она. – Сейчас дождёшься!

– Ответ не верный! – довольно ухмыльнулся Данила и зажал девчонку в углу между стеной и сувенирным ларьком.

Она отчаянно трепыхалась, но бесполезно. Её горячие, нежные губы кружили голову и кипятили кровь, заставляя лишь ещё глубже впиваться в их черешневую сладость. Вот

она, дембельская свобода – в кураже и беспределе! Разорвав поцелуй, обхватил обалделую мордашку ладонями:

– Ну всё, всё! Не бойся, не обижу! Просто приколы такой – пароль: как целует хулиган? Отзыв: нежно-грубо. Кто отвечает неправильно – торчит поцелуй взасос. Не знала? – Повёл пальцем по её припухшим истерзанным губам, подмигнул: – Повторим?

– Да ты... Ты... – задохнулась девчонка. – Быстро руки свои убрал, козёл! Мой папа тебя в клочья порвёт, ты даже не предста...

Пришлось заткнуть её новым поцелуем. Папа, значит? В клочья? Ну-ну...

– Марина?!

Оборачиваясь на гневный окрик, Данила рефлекторно уклонился, и кулак мужика прошёл мимо. А вот ответный хулиганский прилетел точно в его широкую, чисто выбритую скулу. От удара мужик слегка потерялся, и пока, мотая головой, приходил в себя, Данила втопил в отрыв: смешавшись с толпой, юркнул в узкий проход между двумя корпусами вокзала и, перемахнув через высокий дощатый забор, запрыгал по запретной зоне переплетений железнодорожных путей и стрелок.

Выбравшись на противоположный перрон, направился к выходу в город, но замедлил шаг: за углом, устроившись между парашетом пешеходного ограждения и стеной трансформаторной будки, сидел давний знакомец.

– Здорово, Рыхлый!

Тот полуобернулся, ловко прикрывая игральный стаканчик газетой, и так и замер.

– Не узнаёшь, что ли?

– Уз-знаю, – прогундосил Рыхлый и кинул быстрый взгляд по сторонам. – А т-ты откуда такой н-нарядный?

– Ну не с зоны, точно, – отряхнув штаны от пыли, присел Данила на корточки. – Сыграем на интерес? Ва-банк. Только, чур, я кручу-верчу.

– Т-ты же знаешь, н-не положено так.

– Дембеля можно всё, Рыхлый! – со смешком кинул Данила кости в стаканчик, затряс. – Ну рассказывай, как жизнь на гражданке? Кто нынче за главного на районе?

– Р-рамзá.

– Хмм... Не знаю такого. А Шпик? Живой ещё?

– Он т-теперь при Р-рамзе, ночные клубы к-крышует.

– Ах вон оно что! На повышение, стало быть, пошёл? Ну-ну. Надо бы вестку ему передать, Рыхлый... – Скинул кости на коробку. – Дубль шесть. Ты проиграл.

– Н-наоборот. Д-дубль шесть п-переводит очки на счёт второго и-игрока!

– А я говорю, проиграл! – ухватил его за химо Данила.

– С-совсем к-краёв не чуешь, х-ху-х-ху-ху... – от волнения Рыхлого, как всегда, замкнуло на одном слоге, но деньги послушно отдал.

– Вот и ладушки, – сунув их в карман, поднялся Данила

на ноги. – Ты же сам понимаешь, дембель – человек бедный. Ему помощь товарищей нужна, особенно бескорыстная финансовая. – И, мгновенно посерьёзнев, понизил голос: – А Шпику передай, Хулиган вернулся. Теперь пусть либо должок мне по счётчику готовит, либо себе вазелин.

На площади перед вокзалом было как обычнолюдно и шумно. Наперебой зазывали клиентов бомбилы, что-то кричали в громкоговорители торговцы билетами междугородних автобусов. А ещё повсюду были девчонки! Молодые, зрелые, плоские, грудастые, в поддуваемых ветром юбках, в обтягивающих брючках или коротких, больше похожих на труселя шортиках. Блондинки, брюнетки, рыжие. Данила аж замер, не в силах оторваться от этого разнообразия и предвкушая его сладкое многообразие...

Внимание привлекли вокзальные менты, волокущие под локти бабульку-торговку. Она прижимала к груди зелень и испуганно причитала:

– Миленькие, да за что в милицию-то?.. Да я же первый раз! Да у меня же вот, ну два пучочка всего... Миленькие...

И Данила не выдержал, вмешался. Сторговал её за все деньги отжатые у Рыхлого. Легко пришли, легко ушли – не жалко! Но вот сами менты, принявшие взятку с рутинной простотой сбесили. Волки позорные. Ничего за два года не изменилось! Проводил их взглядом, приглушённо выругался.

– Держи, внучок! – сунула ему бабулька здоровенный хру-

стоящий пучок укропа. – Бери-бери! Это же витаминчики! Чтобы здоровье у тебя было крепкое и невеста красавица!

И он взял. Всегда приятно, когда вот так – от души. Даже представил уже, как нажарит сегодня картохи, да покрошит в неё зеленушки, да с сальцом, да на чёрном хлебушке... Но проходя мимо доски почёта железнодорожников, замер: на остановке стояла та дерзкая с перрона – Марина.

Глава 2

– Ну а что дальше-то, Данюш? Надеюсь, учиться теперь пойдёшь?

– Для начала отоспаться хочу, тётя Ир.

– Отоспаться и отожраться! Помню, когда я с армии пришёл, тоже дрыщём был, минус двадцать кэгэ! Эт потом уже naroslo, – дядя Серёга похлопал себя по пузу и взялся за стопку. – Давай, Дань. За дембеля!

Намахнули.

– Значит так, завтракать, это как хочешь, – тётя Ира поставила на стол новую порцию котлет, – а обедать и ужинать чтобы к нам, ясно?

– Ага! Ты ему ещё распорядок дня выпиши! Тоже, прапор нашлась! Оставь пацана в покое, имеет право! Дембель! У него сейчас вообще самый смак начнётся: пьянки-гулянки, девочки-припевочки... – подмигнул.

И тут же получил полотенцем по лысине.

– Хоть бы при ребёнке-то постеснялся! Дань, а ты не слушай его! Кушай!

– Да куда ж кушай, он тебе резиновый что ли? Ты ему лучше с собой собери! Щей, вон, в банку налей!

– И правда! – подскочила тётя Ира. – У меня ж такие щи, Дань, ты же знаешь!

Вскоре Данила с дядей Серёгой вышли во двор. Дядька

неспешно выкурил сигаретку и кивнул:

– Пойдём.

Первое, что бросилось в глаза в гараже – это новенькая блестящая «пятнаха» серебристый металлик.

– Кирюхина, – хлопнул её по капоту дядя Серёга. – Сам купил.

– На стипендию что ли? – со скрытой завистью хмыкнул Данила.

– Да какой там! За бугор на шабашки иногда ездит, а там баксами платят. Прошлой зимой почти два месяца в Китае прожил, потом по весне ещё в Турцию мотались, а приехал – сразу тачку купил. Сейчас, вот, вернётся, тоже что-нибудь привезёт. Надеюсь.

– А когда, говорите, вернётся? Через две недели?

– Да, ровно через две. Так, где тут они у меня... – дядя Серёга полез по банкам с железками. – Мать гордится им, а я, если честно, всё равно думаю, что нормальный мужик не должен по сцене скакать. Нормальный мужик – он же, как фура... Так, я что-то не понял, – почесал в затылке, – куда я их сунул-то? А! Точно! – Полез в ящик на стене. – Мужик, говорю, он как фура: главное в нём не красивая кабина, а надёжная ходовая. Ну и что, что рожей вышел? Ну и что, что данные? Талант, эта, как её... харизма... Тьфу! Да если бы я, как он, яйцами на публику тряс, вместо того чтобы делом заниматься, не было бы у них сейчас ни дома этого, ни машины, ни нового телевизора. Ничего бы не было! И всё, что

у них есть – это исключительно благодаря моему трудовому геморрою. Так и запиши!

– Так вы же говорите, сам купил?

– Сам... Вот, держи, – протянул Даниле массивную связку ключей. – Больше назанимал, если честно. Но отдаёт-то, угадай, кто? – Выдержал паузу. – Вот то-то! Сам он, ага...

Данила перебирал ключи, и, стоило пальцам коснуться потемневшего железа, мгновенно вспоминал какой от чего. Сердце тоскливо сжалось.

– Дядь Серёг, как же так случилось-то? Ну, с бате́й? В голове не укладывается.

– Так бывает, – нахмурился тот, – это жизнь. К тому же, бухал он в последнее время.

– Странно. За ним, вроде, особо не водилось.

– Дурное дело не хитрое. Может, с баб́ой не склеилось, может, просто вожжа под хвост попала. Не знаю. Ты о себе лучше думай, как будешь теперь. У тебя категория-то какая? А то, давай, может, попробую тебя в напарники к рейсовым дальнобоям пропихнуть?

– Я чёт вообще ничего не понимаю... Как не знаете, вы же друганами были? Брата́ми друг друга называли, полжизни в рейсы вместе ходили?

– Да не работали мы с ним уже года полтора как! – раздражённо вспыхнул вдруг дядя Серёга. – И я в другую контору подался, и он... Э! Чего там говорить! – Махнул рукой. – Не осталось у нас с ним ничего общего. Разошлись дорожки.

Так тоже бывает.

Данила ошарашенно молчал. Для него дружба отца и дяди Серёги была эталоном, с самого рождения на неё смотрел, по её образцу и с Киреем братались. И главное, отец в письмах ни слова, ни полслова о размолвке!

– И ты это, Дань... не дай бог, узнаю, что за старое взялся, так помяни моё слово, – дядя Серёга поднял к его носу кулак, – прибыю.

– Да не, я и собирался. Не дурак. А вы это... баблишком не выручите на недельку? Я отдам, чес слово!

– Ларёк грабанёшь, как в старые, добрые?

– Да не, ну правда, завязал я, дядь Серёг! Заработаю, не вопрос, мне просто на первяк перекантоваться... – Запнулся об его изучающий взгляд. – Нет, ну если нет, то и нет... Я тогда у пацанов подогреюсь.

– Я тебе подогреюсь! Дам, и не в долг, а так. Считай, дембельские! Заслужил! Кирюха, вон, за будь здоров каждый день с «пап, дай денег» начинается, и ничего, не заела совесть! – Вздохнул. – К матери-то поедешь?

– А чего мне там делать, на её очередного хахаля смотреть?

– Ты теперь мужик, Дань, – отведя взгляд, потерябил дядька сигарету. – Так что обидки свои пацанячьи давай-ка в сторону, и... Надо, понял? Мать она и есть мать!

Двор встретил Данилу всё той же сонливой тенью высоких

тополей и скрипом старых качелей во дворе. Как будто и не уходил никуда на два года! Но когда открывал квартиру, в подъезд выглянула соседка баба Маша. Всплеснула руками:

– Батюшки, Данила, ты что ли? Дед! – позвала мужа. – Дед, смотри, кто вернулся! – и снова Даниле: – А я думаю, кто там шурудит, а это ты!

– Здорова, армия! – хрипанул из-за её спины пропитой голос деда Вити. – С возвращением! Это надо обмыть! Традиция такая!

– Так, пошёл отсюда! – тут же вскинулась баба Маша. – Тебе лишь бы повод! – и, выскочив в подъезд, захлопнула дверь перед его носом. Деловито осмотрела Данилу. – Ну, с прибытием, с прибытием! Кот ваш, кстати, уж полгода, как у меня гостует. Заберёшь?

Барс – полосатая наглая морда, первое время ходил по квартире, осторожно принюхиваясь, как будто не был здесь лет десять. Но уже через пару минут Данила застал его метящим стену в коридоре. Схватил за шкурку:

– Ещё раз увижу, яйца отрежу, понял?

Кот смотрел на него невозмутимо, как на дурака. Данила усмехнулся – ну да, а сам-то он с чего начал? Отжать бабло у вокзального каталы – это так-то беспредел, по которому надо будет ответить. Но зато и до Шпика теперь точно дойдёт весточка, что Хулиган вернулся.

Нового кресла-кровати, на котором он раньше спал, в квартире больше не было. Не было и импортного цветного

телевизора, который отец купил перед уходом Данилы в армию. И старинного дубового стола на массивной фигурной ножке, доставшегося отцу от бабушки, и новой лакированной «стенки», а вещи – одежда, книги, посуда и прочий хлам, теперь были просто свалены кучей в углу. Словом, всего, что представляло хоть какую-то значимую ценность, не было. Даже холодильника. И это было так же странно, как и смерть отца.

Усталость с дороги и дяди Серёгина самогонка сделали своё – силы кончились. Даже навязчивая идея фикс пойти вечером по бабам, и та отпустила. К тому же, Кирея не оказалось в городе, а одному – не так куражно. Засыпая, Данила вспомнил вдруг дерзкую девчонку. Как зажал её в первый раз на вокзале, и как успел тиснуть во второй раз, когда ото-звал за доску почёта. Правда, тут же получил укропом по морде, но, блин...

Улыбаясь, провёл языком по припухшему следу от укуса на губе. Главное, что она подошла, а значит, была не так уж и против! Может, судьба? Только хрен его знает, как и где её теперь искать.

Глава 3

В гаражах всё было так же, как два года назад – засыпанные битым кирпичом дорожные ямы на въезде, вечно переполненные всяким хламом баки, стоя прикормленных собак на территории. Их старенький жигулёнок покрылся пылью. Отец, хотя считай всю жизнь и провёл за рулём фуры и зарабатывал вроде неплохо – но за крутой тачкой в быту никогда не гнался. А жигулёнок это так, как он говорил: «Если вдруг что – чтобы не пешком»

В нём, говорят, и угорел. Просто закрылся в гараже изнутри, пустил движок на холостые и...

Зачем, бать? Зачем?

Осмотрелся: в углу навалены старые батареи, обрезки металлических балок, арматуры и прочего чёрного лома – значит, отец продолжал заниматься металлом. В другом углу высилась гора прорезиненной оболочки от силовых кабелей. Значит, промышлял и цветметом.

После гаража поехал на вокзал. Купил на входе огромную шаурму, надвинул пониже козырёк бейсболки и пошёл искать Рыхлого. Проходя мимо сувенирного ларька, там, где зажимал вчера девчонку, замедлил шаг. А неплохо они, должно быть, смотрелись-то со стороны! Пряма парочка: он дембель, а она, типа, встречает. Страсть, все дела. Ухмыляясь, лизнул укус на губе.

Если честно, в армии он втихую завидовал пацанам, которых дома ждали девчонки. Вот это всё: фоточки, письмишки... Романтика! Но, правда, и на тех, кого не дождались, тоже посмотрелся. Один такой даже повеситься пытался, потом всем отрядом из-за него сутки на плацу по стойке смирно стояли. Не, ну их на хрен, этих баб напостоянку! Что у них в башке – не понятно, а заморочек – мама не горюй! То ли дело случайный съём – тут тебе и азарт, и новизна, и никаких обязательств. Но, правда, иногда и укропом по морде... Но так даже интереснее.

Рыхлого нашёл на скамеечке возле касс. С наигранной ленцой поглядывая на спящих вокруг пассажиров, он явно выискивал взглядом кого бы нагреть в картишки.

– Вестку передал? – присел рядом Данила.

Рыхлый не ответил.

– Да ладно, хорош дуться! Похулиганил слегка, подумаешь. Держи! – протянул ему деньги. – С компенсацией за моральный ущерб.

– Аг-га, ты п-похулиганил, а мне ответ по н-недостаче держать пришлось, – недовольно прогундосил Рыхлый, но деньги взял и тут же сменил гнев на милость. – Ты, Х-хулиган, не больно-то в-выпячивайся, а т-то у нас тут, пока ты ч-чалился, власть переменялась. Р-рамза н-не любит бесп-пределычиков, у-у него с ними разговор к-короткий.

– Рамза... Кто такой вообще, откуда взялся?

– А я з-знаю? Г-говорят с-столичный какой-то. Ч-чуть ли

не тамошнего п-пахана ставленник. М-может, брешут, м-может нет, н-но в ментовке нашей масть держит б-большую, так что ак-куратней с ним.

Данила помолчал, наблюдая за бегущей строкой на табло объявлений.

– Да я, Рыхлей, завязал. Всё, хватит баловства. Нормальным бизнесом займусь.

– Н-ну да?

– Угу. Со Шпиком вот только разберусь и всё. Ты вестку-то передал?

Рыхлый кивнул.

– С-сегодня ночью, в У-удаче.

Дома ждал оголодавший Барс. По-братски поделившись с ним щами, Данила немного вздремнул. Проснувшись, сунулся на балкон и обнаружил там старый чёрно-белый «Горизонт» с комнатной антенной и снятой задней крышкой. Телек оказался работающим, хотя, один хрен, почти половина экрана засвечена.

Без интереса смотрел какую-то передачку, а сам всё прокручивал в уме нелепую смерть отца. Может, у него проблемы какие-то были – наехал кто, или что-то в этом роде? Например, в долги влез, на счётчик попал?

Постучал к соседке.

– Баб Маш, а зачем отец мебель вывез, не знаете?

– Так это не он. Это уже после, когда схоронили.

– Не понял... Тогда кто?

– Да кто-кто, мать твою, кто ещё! Сюда-то она, понятное дело даже не заходила, всё грузчики таскали. А она всю дорогу в грузовичке сидела, лицо рукой вот так, знаешь, прикрыла, как будто не хочет, чтобы её узнали. Но я точно видела – она это!

– Что за грузовичок?

– А я знаю? – пожала плечами соседка, но из-за её спины тут же каркнул деда Витя:

– Так это ЗИЛók, Дань! Сто тридцатый, тентованный. Крашен под армейского, а сам старый и наскрозь гнилой!

– Ой, да всё ты прям знаешь, гнилой! Прям из окна увидел, ага! – отпихивая его плечом, ругнулась баба Маша.

– А не замечали, отец выпивал последнее время?

– А, это да, что было, то было... Ты как ушёл, так он, немного погода и начал.

Вернувшись в квартиру, Данила разложил на столе бумагу, селитру, пару десятков спичечных коробков, марганцовку... Дядя Серёга прав – пора завязывать с хулиганкой и начинать серьёзные дела, чтобы уже лет эдак через пять – десять жить где-нибудь в Калифорнии и менять яхты под цвет нижнего белья. Но сначала придётся поднапрячься.

Жизнь игра, и в ней всего два типа игроков: те, кто нагибает, и те, кого нагибают. И если не нагибаешь ты – нагибают тебя. Всё просто. Хулигана ещё никто никогда не сумел нагнуть, даже менты и органы опеки, и к тому моменту, как он,

завязав с хулиганской мастью, гордо уйдёт в закат – никто и не нагнёт. Тем более скотина Шпик.

Глава 4

– Так это ещё не всё! Ты дальше слушай! – Щёки уже сводило, но прекратить смеяться не было сил. – Короче, папа в ярости и давай там кипешить – вокзальных ментов дёргать, свидетелей собирать, ну короче, как обычно. Слава богу, поезд подошёл! В общем, встретили Оксану с Тёмкой, туда сюда, время как бы упущено, ну и всё. Папа бурчит, конечно, под глазом фингал наливается, но в целом – почти успокоился. Пришли на остановку – автобусов нет. Ну что делать, папа пошёл к таксистам, а мы с Оксанкой ждём. И тут слышу: Марин! А я даже и не туда, что это меня, понимаешь? Опять: Марин! И свистит. Ну я чисто машинально оглянулась, а это он, прикинь! За доской почёта спрятался и подзывает, вот так, знаешь... – загадочно поманила Катьку пальцем.

Та поерзала от нетерпения:

– Ну-ну? А ты?

– А что я, Оксанка-то тоже повернулась! И сразу просекла, что к чему. Говорит – этот тот самый? Я – ну да. Она – ну всё, сейчас ему отец бошку оторвёт... А мне что-то так жалко его стало, думаю, ну придурок, конечно, но так-то прикольный. Ну то есть, как бы, по большому-то счёту не за что его на пятнадцать суток! А Оксанка такая – хочешь, я с ним поговорю, ну, чтобы отстал по-хорошему? А я ей – нет, лучше ты посмотри отца, а с этим я сама разберусь.

– Ой, ой, ой... – захихикала Катька. – Кажется, кто-то просто любит хулиганов...

– Да прям! – смутилась Маринка. – Просто он идиот, который даже не представляет, какими проблемами ему светят тёрки с опером Ивановым. Только поэтому!

– Ага, ага... Конечно, расскажи, ага...

– Короче, – снова расплываясь в неудержимой улыбке, Маринка обняла подтянутые к груди коленки, – подхожу, говорю, типа: «Последний раз предупреждаю, отвали по-хорошему, пока мой отец не вернулся!» А он ржёт, прикинь! Дурак. А потом такой: «Не кипеши, малая, я просто извиниться хотел» – и, опа, руку из-за спины вынимает, а в ней укроп!

– Чего?

– Укроп, Кать! Прикинь? Большой такой пучок, а из серединки цветов с клумбы торчит!

И они на пару расхохотались.

– Девочки, – постучалась в закрытую дверь комнаты Катина мама, – мне вообще-то на сутки завтра к шести.

– Да, мам, мы всё уже, ложимся! – крикнула Катька, и перешла на шёпот: – Ну, а ты?

– Ну говорю же – офигела я! И взяла.

– А-а-а, ну всё Иванова, это залёт! – азартно воскликнула Катька. – Цветы взяла – считай, дала! – и тут же спохватившись, прикрыла рот рукой. – А дальше?

– А дальше, этот гад опять полез целоваться, и я ему его же укропом по морде надавала. А потом Оксанка позвала, и

я сбежала. Еле вырвалась, прикинь!

– Оу, как романтичненько, – подёргала Катька бровями. – Симпотный хоть?

Маринка пожала плечами.

– Такое ощущение, что я его уже где-то видела. А так – ну... обыкновенный. Кир намного лучше!

– А, ну конечно! Тебя послушать, так твой Круглов прям бог всех богов! – фыркнула Катька. – Хотя, на самом деле, просто рожа смазливая да кубики на прессе и всё. Подумаешь, невидаль! Он даже целуется так себе!

В стену снова постучали:

– Кать, ну я прошу, потише!

– Всё, давай спать, – поднялась она с диванчика, разложенного в гостевой, и кинула него постельное. – Сама застелишь, ладно? Одеяло и подушка в шкафу.

Пытаясь притупить ревность, стремительно сменяющую недавнее веселье, Маринка деловито заправила простынь и натянула пододеяльник на лёгкое летнее одеяло. Но снова это навязчивое ощущение, что происходит что-то не то... Пожалела вдруг, что вообще припёрлась сюда с ночёвкой. Всё теперь раздражало: и чужая комната, и узкий диван, и сама Катька. Особенно Катька!

Не удержалась, стерва, напомнила... Опять. Не слишком ли часто в последнее время? С тех пор, как они переехали сюда, так её прям регулярно распирает! Значит, не так уж она и забыла. Или это она вообще не про тот раз намекает?

Села на диванчик, согнулась, уткнувшись лицом в подушку. Это невыносимо. Невыносимо! Вспомнился Кир: его крышесносная улыбка и харизма, против которой нереально устоять. Шикарное рельефное тело и даже запах... Запах?

Резко разогнулась, глядя на лежащую на коленях подушку. Она была в наволочке – видно с прошлого раза, когда на ней спал кто-то другой... Кто-то другой? Завертела её в руках, принюхиваясь, выискивая зоны, где тонкий, едва уловимый аромат будет чётче... Это же парфюм Кира, разве нет?!

Всё внутри заколотилось. Да. Она знала. Она всегда знала, чувствовала это! Просто прятала голову в песок, дура, но...

Так, спокойно. Это просто мужской парфюм. Может, на подушке спал Катькин брат, или его друг... Снова ткнулась в неё носом, повела руками, разглаживая складки, и нащупала вдруг что-то внутри наволочки. Что-то маленькое, жёсткое, с неровным краем...

С ноги долбанула в дверь Катькиной комнаты:

– Это что?!

Катка испуганно подскочила с пуфика.

– Что это? – потрясая найденной в подушке уликой, угрожающе двинулась на неё Маринка. – Ну ты и гадина... Ну ты... – И схватив подвернувшуюся под руку книгу, швырнул в подругу. – Сука!

– Ты офонарела, Иванова? – увернувшись, пришла та в себя. – Ты чего творишь, истеричка?!

– Что это?

– Да откуда я знаю?!

– Хватит из меня дуру делать, Махонина!

– Да сколько можно?! – заорала за их спинами Катькина мама. Маринка обернулась – та стояла в ночнушке и бигудях и угрожающе упирала руки в бока. – Вы что, русский язык не понимаете? Вы чего орёте, как потерпевшие? – жёстко тряхнула Катьке пальцем: – Чтобы никаких больше подружек с ночёвкой, ясно?! А ты иди туда, где тебе постелили!

Маринка ломанулась мимо неё в прихожку, схватила свои босоножки и сумочку и, от души хлопнув дверью, выскочила во двор. Не обуваясь, кинулась вниз по улице.

Фонари не горели, только, кое-как освещая дорогу, проглядывала сквозь лёгкую дымку облаков луна. Одна за другой начинали брехать взбудораженные шумом собаки. А Маринка рыдала. В голос. И хотела сдохнуть. В кулаке, до боли впиваясь острой гранью в ладонь, лежал кулончик на порванной цепочке – половинка сердца, которую она подарила Киру на полгода их отношений. Которую он потерял незадолго до отъезда в Италию, и которую она нашла теперь в подушке лучшей подруги...

В конце улицы, проходя мимо дома Кирилла, остановилась.

Какой же он гад... Какой же он...

Рванула с шеи вторую половинку сердца и швырнула её в высокие ворота. Кулончик слабо звякнул об них и упал куда-то в траву.

– Пошёл к чёрту, Круглов!

Но в ответ, лишь сонно ругнулся из-за забора Мухтар.

– Козёл... – осев на корточки, уткнулась Маринка лицом в ладони. – Сволочь... Да пошёл ты, гад... – и, вскочив вдруг, снова заорала: – Пошёл ты, понял?! – и, в сердцах плюнув в сторону ворот, кинулась к трассе.

Глава 5

В «Удаче» был аншлаги. Данила как будто вернулся на два года назад, в девяносто шестой: всё по-прежнему – и интерьерчик, и контингент. И даже барная стойка и страшная барменша за ней. Разве что диджея пересадили в угол, туда, где раньше стоял аквариум. Ну и правильно. Кому, нахрен, в ночном клубе нужен аквариум?

Пьяный, мигающий цветомузыкой угар танцпола манил обещаниями отвязного секса. Тёлочки так и клеили взглядами и Данила, пробираясь сквозь это похотливое море, уже точно знал, что сегодня обязательно возьмёт своё. И, пожалуй, даже, не с одной. От предвкушения защекотало в носу и моментально потяжелело в паху, но он всё равно упорно двигался дальше. Сначала дела.

У бара было не протолкнуться. Потёрся чуть поодаль, чуть не подрался с каким-то борзым мудаком, но так и не понял, чего тот хотел – так, просто, пободались, похватали друг друга за химо и разошлись. Вглядывался в лица, просекал обстановку. Ждал. Но Шпика всё не было.

Часа полтора протолкавшись в темноте дискача, вышел на улицу. Голова пухла. Отвык. Продышался, вернулся. Начинать раздражаться. Похоже, Шпик так и не появится. Тогда нахера стрелку забивал? Решил поиграть в фуфло? Ладно. Будет тебе фуфло...

Внаглую протиснулся к барной стойке. Поманил барменшу.

– Пожрать делаете?

По губам прочитал ответ:

– Гамбургер!

Кивнул:

– Давай! И пиво. – Она не расслышала. – Пиво! – Повторил он и ткнул пальцем в пьющую пиво девчонку по соседству.

Ожидая заказ, развернулся к этой девчонке, демонстративно рассмотрел. Ну... Почему бы и нет? К тому же, она так характерно держала бутылку и так смачно, до ямочек на щеках из неё отсасывала, что... Взгляд случайно скользнул дальше, в самый конец стойки у прохода, туда, где без конца хлопала дверь, ведущая на кухню, и от неожиданности захотелось протереть глаза – там сидела она, та дерзкая с вокзала, и глушила водку. В одну харю. Не закусывая. Каждый раз, наливая новую стопку, она сначала долго к ней примерялась и, наконец, на выдохе, как заправский алкаш, опрокидывала в себя. А потом ещё долго кривилась и передёргивала плечами.

– Угостишь девушку пивом?

Досадливо оторвал взгляд от Марины. Тёлка, та, которая только что отсасывала у бутылки, призывно улыбнулась:

– Можем взять с собой и прогуляться ко мне. Тут недалеко.

Данила склонился к её уху:

– Отвали!

Протиснулся к концу стойки, небрежно шмякнул перед Маринкой тарелку с гамбургером:

– Закусывай, дерзкая!

Она узнала. Тут же напряглась, стрельнула взглядом на выход.

– Не хочу!

– Придётся! – перекрывая ей проход, уперся кулаком в стойку. Навис, вынуждая откидываться назад. – Ешь, говорю! И сегодня больше не бухаешь, ясно? – выдернул стопку из её судорожно сжатых пальцев. Махнул барменше: – Колу принеси!

Маринка пьяненько вздохнула и вгрызлась в гамбургер. Данила улыбнулся. Выглядела дерзкая не ахти: тушь под глазами размазана, сама лохматая и какая-то потерянная, но блин... Нестерпимо захотелось вдруг её зажать. Нет, не так. Обнять! Смотрел и почему-то знал, что плечи её, несмотря на окружающий угар, сухие и прохладные, а волосы тонко пахнут смородиной. Или малиной? Он точно не помнил, но знал наверняка, что не куревом. Ещё хотелось сказать ей что-нибудь. Что-нибудь нормальное, даже обыкновенное. Чтобы она ответила, расслабилась. Улыбнулась, в конце концов... Но башка была неожиданно пустая, поэтому он только пялился и переминался с ноги на ногу.

– Свинти с прохода, убогий! – грубо пихнул его кто-то в

спину.

Данила чуть не кинулся, с разворота в драку, но вовремя опомнился. Проглотив наезд, проводил взглядом двух бритоголовых, хозяйски вошедших в дверь, ведущую на кухню.

Не прошло и пяти минут, как они вышли. Тот, что шёл вторым, уютно устраивал под мышкой, прикрывая полую олимпийки, брикет, похожий на обмотанный газетой кирпич, а первый держал руку за спиной, под джинсовой курткой. Ствол.

Горячей, куражной волной ударил в голову адреналин. Бросил взгляд на стоящую на стойке чью-то бутылку шампанского, и пальцы сжались, предвкушая, как хватают её за горлышко...

В идеале бы – этого, с пушкой, пропустить чуть вперёд, и, рывком вклиниваясь между ними, вырубить бутылкой по затылку, а заднего – с ноги под челюсть, и к барной витрине... Затылком об пол, перехватить брикет – и в ту самую кухонную дверь, раскидывая по пути хлопущки. Служебный выход закрыт на ремонт, это Данила просёк заранее, но есть окно в сортире, в которое курят повара. Выгорело бы, точно!

Если бы не Маринка.

Едва не рыча от досады, проводил взглядом исчезающие в угаре танцпола спины. А, чёрт!

Дёрнул Маринку за руку и силой затолкал в кухонную дверь:

– Здесь жди, ясно? Здесь! Чтобы ни случилось!

Она растерянно кивнула, и он нырнул в дискотеку. Чиркнул об примотанный к запястью черкаш первую хлопушку, кинул далеко вперёд. Три секунды – громкий хлопок, искры, дым, резкая серная вонь. Вопли, паника...

Чувака с брикетом – рывком за шею и на пол. Чиркнул вторую петарду, кинул. Три секунды – взрыв. Паника усилилась. Общее время заварухи – всего секунд двадцать. Отлично.

– Рыпнешься, и третья у тебя в штанах рванёт! Бабки гони!

Бритоголовый не стал спорить – яйца дороже денег...

– Всем лежать, руки за голову! – раздался крик от входа, и вот этого Данила точно не ожидал.

Девки завизжали ещё громче, и начался полный мандец. Непрерывно закидывая зал хлопушками, Данила рванул за Маринкой – а её нет! Кинулся туда – сюда, но как её найдёшь в этом аду?! Самому бы теперь выбраться.

Снял олимпийку, и на ходу надёжно приматывая ею брикет с деньгами к животу, кинулся в самую гущу толпы.

«Удача» – злачное местечко, здесь ещё и два – три года назад шоу с ментами случались с завидной регулярностью. Кто из посетителей залётный и попал в кутерьму случайно – те в шоке, конечно, а вот кто ходили сюда специально над ментами куражиться – те знают, что делать!

На улице народ как потревоженные тараканы разбежался во все стороны. Кому везло меньше – тех ловили и тащили

к автозаку, кому больше – отбежали подальше и, улюлюкая в адреналиновом угаре, шли тусить куда-нибудь ещё. Данила, держась в тени кустов, взял направление за «Удачу», и уже благополучно скрылся в тени арки, когда увидел Маринку.

Она визжала и вырывалась, наощупь расцарапывая менту рожу, а он, со спины удушая захватом за шею, волок её к центральному входу, туда, где стоял переполненный автозак.

– Эу, руки от неё убрал! – на ходу стаскивая с себя футболку и наматывая её на голову, чтобы спрятать лицо, крикнул Данила. – Я тебе говорю, волчара!..

Глава 6

Отбежали всего на пару дворов, когда Маринку вдруг накрыла истерика. Хохотала, как сумасшедшая, так что ноги бессильно подгибались, а Данила волок её за руку дальше, понимая, что на этот раз искать будут глобально. Но она не могла идти, оседала на корточки и задыхалась от смеха. Глядя на неё, заржал и Данила, но он, в отличие от неё, понимал, чем чревато промедление.

Перекинул её через плечо и побежал дальше. Ещё через пару кварталов она вдруг замолотила его по спине:

– Пусти! Пусти, говорю, тошнит!

Прислонилась спиной к дереву, вытянула шею, дыша часто и глубоко. Но ничего, отпустило без экстрима.

– Пойдём, – снова потянул он её за собой.

А Маринка хрюкнула и зашлась в новом приступе смеха.

– Да не могу я, у меня это... Авария! – и вдруг высоко махнула ногой. Из-под коротенькой юбочки сверкнули трусики. Белые.

Данила машинально перехватил её ногу за щиколотку, положил себе на плечо. Легко. Вообще без усилий. Сглотнул, представив, как эту растяжку можно бы применить в деле... а потом дошло, что Маринка всего-лишь показывает ему бо-соножек с отломившемся каблуком.

– Отремонтируешь, пойду!

– Куда пойдёшь? – поглаживая гладкую голень, глупо спросил он, и сделал полшага навстречу. Бедро на плечо упруго напряглось, но поддалось, поднимаясь ещё выше. Резиновая, блин. Так, наверняка, и вплотную подойти можно, вжать в дерево и... Кирей как-то хвастался, была у него одна такая... Низ живота резко скрутило от предвкушения.

– Да пофиг, если честно. Домой мне до утра всё равно нельзя, а больше некуда. И вообще... – лицо её вдруг мгновенно стало злым. – Я теперь свободная, что хочу, то и делаю! Так что, можно даже к тебе. Пофиг!

Резко отвернувшись, но Данила успел заметить в её глазах слёзы.

– У тебя что-то случилось?

– Не твоё дело! – огрызнулась она. – Так что, отремонтировать можешь?

– Легко!

...Когда он окончательно отломал каблук от первого босоножка, Маринка озадаченно нахмурилась. А когда, в пару ударов об бордюр, отломал и второй, абсолютно целый – вскинулась:

– Эй, ты чего делаешь?! Ты...

– Обувайся!

– Их теперь только выкинуть! Ты нормальный вообще?

– Иногда. Обувайся, говорю, и пошли, если не хочешь чтобы тебя в ментуру сгребли.

Она тут же испуганно схватила изуродованные босоножки

и, присев на корточки, суетливо завозила с ремешками. Но вдруг обессиленно опустила руки.

– Думаешь, сильно я его?

– Не знаю. Мне никогда об бошку бутылку не разбивали.

– А вдруг он умер?

– Не думаю. Просто удачно попала. Да не парься, его наверняка сразу свои нашли. И спасибо, кстати, если бы не ты – сгребли бы меня. Если бы он меня ещё до этого не придушил. Сильный волчара оказался. Массой задавил.

Она уткнулась лицом в ладони.

– А если всё-таки умер?

– Ну... Работа у него такая. Нехрен было шлем снимать.

– Ты debil? – вскочила она на ноги. – В тебе есть хоть что-то человеческое? Да он, похоже, обычный опер, а они не надевают шлемы! Максимум броник. Он вообще, наверняка, просто чёрный ход пас, пока ОМОН в зале шухерил!

– Надо же, какие глубокие познания в делах ментовских! А с хрена ли он тогда тебя схватил? На биндюжника ты не тянешь, а девочек-припевочек вроде тебя они обычно не шмонают.

Она сникла.

– Наверное, потому, что я из окна вылезала. Там, возле кухни. – Обречённо вздохнула. – Ну нельзя мне в милицию, понимаешь? Тем более, из ночного клуба!

Данила окинул её обалделым взглядом.

– Только не говори, что на учёте стоишь...

– Да прям! Причём здесь учёт? Просто если папа узнает... – осеклась, помолчала. – И это... Тебе тоже спасибо, что заступился. Я, если честно, уже думала что всё, конец мне.

– Тогда тем более пошли! – Схватил её за руку. – Мы всё равно ничего уже не исправим, а с повинной можно и утречком, на трезвую голову прийти.

– Я не пьяная! – возмутилась она и, оступившись на первом же шаге, рухнула в его объятия. Снова задрав ногу, установилась на пристёгнутую к стопе подошву: та была формована под высоченный каблук, и теперь, с плоской пяткой, нос оказался загнутым вверх почти под прямым углом. – Ну и как в этом ходить вообще?

...А Данила видел только её голое бедро с красивым рельефом напряжённых мышц, и отчаянно хотел скорее оказаться в койке. С ней. На ней. В ней. И вообще, как пойдёт.

– Клёво ногами машешь, каратистка что ли?

– А то! И я, между прочим, знаю, как кадык ломать! Папа научил. Показать?

– Опять папа. Я, кажется, всё-таки начинаю его бояться!

– И правильно делаешь! – Сделала пару шагов и снова остановилась. – Блин, ну невозможно так ходить! Неудобно!

И Данила, зарывав от нетерпения, просто закинул её на плечо...

– Ой, киса! – едва войдя в квартиру, тут же засюсюкала Маринка. – Кс-кс-кс... Иди сюда, киса... – Подхватила Барса

на руки, зарылась лицом в пузо. – Халосая ки-и-иса...

– Вообще, это кот.

– Да? – удивилась Маринка, и бесцеремонно задрала ему хвост. – И правда, кот! Да причём такой... – захихикала, – кинг сайз! Да ты мой холосий ма-а-альчик...

Данила с удовольствием оказался бы на месте Барса, но Маринку так стремительно накрывало, кидая от плаксивой угрюмости к шальному веселью, что ещё немного, и всё что ему останется – это сидеть возле дивана и оберегать её сон. Ну, может, тазик подставлять.

– Кофе будешь? С котлетами. – На ходу развязывая примотанную к животу олимпийку, заскочил в кухню и сунул брикет с деньгами подальше в вытяжку.

– Ничего я не буду, – пошатываясь, вошла следом Маринка. – И вообще, пошло оно всё на хер. Сдохнуть хочется.

Данила глянул на её вновь посмурневшее лицо и суетливо сгрёб со стола бардак, оставшийся после изготовления взрыв пакетов.

– Ты почти поллитры натошак выжрала! Не поешь – завтра до вечера не очухаешься. И, кстати, что за повод надраться?

– Все мужики козлы! – зло фыркнула она. – Этого достаточно?

Он усмехнулся.

– Угу, а все бабы дуры. Это правда жизни, дерзкая, а не повод для пьянки. Смирись! Ещё, кстати, есть хлеб с салом

и огурцы, будешь?

Она подняла голову. В глазах опять стояли слёзы.

– А презервативы у тебя есть?

От неожиданности он протупил пару мгновений... и ки-
нулся на неё.

Не разрывая поцелуя, спотыкаясь на ходу, кое-как добрал-
ся до дивана. Опрокинул её навзничь, навис, вклиниваясь
коленом, между робко сведёнными бёдрами. В паху гудело
от напряжения.

Нащупал замок на сарафане, дёрнул раз, два – не идёт...
Маринка расстегнула сама и послушно подняла руки, позво-
ля стащить его с себя...

...Ворвался в неё, такую тесную и жаркую, грубым нетер-
пеливым толчком, сорвал вскрик – надрывный, громкий, ис-
пуганный... Перехватил беспокойно отпихивающие его ру-
ки, зажал над головой, вбиваясь в неё, чтобы кричала ещё,
чтобы не отпускала это безумие, продолжала запрокидывать
голову и выгибать спину, подставляя его губам груди – такие
сладкие и нежные, словно нетронутый случайным прохожим
первый снег... Сам его затаптывал, впивался губами, не мог
оторваться. Сожрать её хотел, чтобы ни одна сука больше
даже близко к ней подойти не посмела. Никогда.

В самый последний момент, когда уже побежала по телу
мучительно-сладкая волна оргазма, вынул. Была на её месте
другая тёлка – может и не стал бы обламываться, но это была
Маринка, она была какая-то другая, и он сам словно стано-

вился с нею другим.

...Она, запрокинув голову, часто дышала и закрывала лицо руками, но всё равно было видно – щёки её пылают. А он, сидя между её разведёнными ногами, скользил взглядом по розовым брызгам на животе, и в башке было пусто-пусто. Кайф!

– Не смотри... – еле слышно попросила она.

И он, наконец, понял, не дурак. Накинул на неё простынь, встал. Слегка штормило, сердце выпрыгивало.

– Пойдём в душ?

Но она только мотнула головой и, звернувшись в простынь, отвернулась к стене. Данила принёс смоченное горячей водой полотенце, вытер ей живот, склонился над ухом:

– Всё нормально, Марин?

Она кивнула.

– Ладно, спи тогда. Кстати, меня Данила зовут.

Не ответила.

Он выключил свет и ушёл в ванную, а когда вернулся, обнаружил, что Маринка уже спит, одетая не только в бельё, но и в сарафан. Ненормальная. Странная. Охрененная.

Впервые в жизни спал с женщиной не в смысле – трахался, а именно спал. Прижав её к себе, сквозь сон чутко чувствуя каждое её шевеление, и прижимая в ответ ещё крепче. Словно боялся отпустить и потерять. Её волосы, всё-таки пропитавшиеся никотиновым кумаром кабака, всё равно сохраняли едва уловимую свежую нотку. Всё-таки малина. И не

приторная мыльная лажа, а натуральная – кисловато-сладкая, тёплая и родная. Так пахнут ягоды с куста. Нетронутые, свежие, настоящие.

Зарывался лицом в её волосы и целовал. Какого хрена с ним происходит – не понимал. Но чувствовал, что теперь всё будет по-другому.

Глава 7

Проснулся от голодных воплей Барса. В незашторенное окно уже всюду светило солнце, на часах шесть – ноль семь. Маринка спала, уткнувшись лицом в подушку. Улыбнулся. Смешная такая. И такая красивая. До вечера теперь болеть будет – точно.

Накормил Барса, умылся. Больше всего тянуло снова завалиться к Маринке под бочок, обнять и, слушая её тихое сопение, вырубиться до обеда. Но из еды дома было только чёртово сало, огурцы и котлеты сомнительной свежести. Не, ему самому бы нормально – а вот ей...

Возле ларька, что за углом, встретил соседа деда Витю с сотоварищами. Пересчитывали копейки в трясущихся с похмелья руках и прикидывали, на что хватает. Щедро подкинув им стольник, взял минералки, печенья, паштет, свежего хлеба. Суетился, был какой-то смутный страх, что вернётся – а Маринки нет. Или, например, проснётся – а нет его, и как она тогда? Эта может и заистерить.

Торопясь домой, на ходу полез по карманам олимпийки в поисках ключей, но кроме них нашарил ещё что-то непонятное, маленькое, мягкое. Вынул... И встал. В руке лежали три дозы в пакетиках. К бабке не ходи – герыч¹.

¹ Гёрыч (жарг.) – героин

И сразу новыми смыслами заиграла вся минувшая ночь. И забитая Шпиком стрелка, и то, что он на неё так и не явился, и нагрянувшие вдруг со шмоном менты.

Оставалось понять, в какой момент успели подкинуть. Хотя, на самом-то деле похрен. Такая подстава – это не по понятиям, вот что важно. Не по-пацански. Шпик, сука... В тот раз из-за его жадности чуть под мокрую статью не попал – пришлось срочно литься в армию, и что теперь? Из-за пары сотен косарей готов закрыть бывшего кореша на семёру, а то и больше за наркоту? Гнида. Особенно если учесть, что бабки изначально не его, а Данилины.

Дома спустил порошок в унитаз, обмотку сжёг на балконе. Душила злость. Ослепляла.

В какой-то момент подумал даже, что, может, это Маринка подкинула – слишком уж нереальным и в то же время экстремальным было её появление в кабаке, да и всё что после – тоже. Уже одно то, что она через окно пыталась слить... А с виду обычная девочка-пай. Острая на язык пятёрочница, блин. Что она там говорила – в ментовку ей нельзя? Чёрт...

Не включая колонку залез под душ. Холодная вода привела в чувство. Не Маринка это. У неё просто не было такой возможности. Подкинули явно до заварушки с ментами, иначе само их появление теряло смысл. Может, та тёлка с пивом? Не по-детски ведь тёрлась об него, сука...

Когда вошёл в комнату, Маринка спала, всё так же уткнувшись носом в подушку, но повернувшись на другой бок. Из-

под задравшегося сарафана белели перепачканные кровью трусики. Данила смущённо отвёл взгляд: ну, здорово, семейная бытовуха! Прикольные они, всё-таки, эти девчонки со своими секретными заморочками...

При взгляде на неё мгновенно встал. Подлёг, обнимая, целуя шею, прижимаясь к её попке. Замыкало до дрожи. Даже злость на Шпика временно померкла. Сейчас хотелось только повторения банкета – пока девочка ещё мягкая, податливая, со сна. Сладкая...

Проснувшись от его ласк, Маринка вдруг затрепыхалась, заматываясь в простынь и отодвигаясь.

– Чшш... Не пугайся, дерзкая, это я, – наваливаясь на неё, шепнул Данила. – Доброе утро, малышка. Но ты это, спи, спи... Рано ещё, ещё даже семи нету. Я потихонечку, м? Расслабься, ну...

Но она цеплялась за сползающую с неё простынь, и ломалась:

– Не надо. Ну не надо...

Такая смешная с этой своей до сих пор размазанной по лицу косметикой. И такая милая.

– Ну чего ты, Марин? Из-за месячных что ли? Да не парься, дурочка, я не брезгливый.

Она замерла на миг и вдруг замолотила его кулаками, норовя при этом ещё и коленом в пах угодить.

– Пошёл вон, козёл!

Соскочила с дивана и её тут же шатнуло, занесло к проти-

воположной стене. Данила рассмеялся:

– Ну куда ты подорвалась, дикая? Ты же ещё бухая! Тебе ещё спать и спать!

Но она схватила сумочку и кинулась в коридор. Данила кинулся за ней:

– Эу, стоять, я сказал! Ты никуда не идёшь!

– Отвали, придурок!

– Так, короче... – схватил поперёк тела и поволок в комнату. Сбросил на диван, навис над нею: – Ты. Никуда. Не идёшь. Это ясно?

– Мой папа тебя уродит! – с ненавистью и страхом глядя ему в глаза, прошипела она.

– Пусть сначала найдёт! – в сердцах рыкнул Данила и пошёл на выход.

Вслед ему полетела её сумочка. Врезалась в стену, рассыпалась всякой бабской мелочёвкой. Данила перешагнул через неё и, плотно закрыв за собой комнатную дверь, ушёл в кухню. Трясло. Вот что это, нахрен, было? Что он такого сказал, что не так сделал? Психанув, смахнул со стола, всё, что купил к завтраку, зажал руками голову. Придурочная, блин...

Минут через пять тупого созерцания крышки стола, признал, что был не прав. Слишком давит на неё, надо при тормозить. Она просто испугалась, видно же. В этот же миг скрипнула комнатная дверь, и Данила кинулся в коридор.

Маринка стояла перед зеркалом, и, слюнявя палец, ярост-

но пыталась оттереть черноту под глазами. Её заметно пошатывало. На него – демонстративно ноль внимания.

– Я же сказал – не отпущу!

– А мне похрен, что ты сказал!

Снова закипая, понаблюдал, как она дерёт расчёской волосы.

– Что не так-то, Марин? Я серьёзно не понимаю! Всё же хорошо было? Нет, ну правда, ты... Ну умойся хотя бы. Позавтракаем спокойно, поговорим... Марин?

Но она игнорила, и это злило.

– Так, короче, – схватил её за локоть, – если не хочешь, чтобы я тебя связал нахрен, возвращаешься в комнату и... – замолчал.

– И что? – выдернув руку, дерзко вскинула она подбородок. – Ну, что?

А он не знал. Но связывать точно не собирался.

– Ничего. Не, ну правда, Марин, не хочешь трахаться – не будем. Просто проспись нормально.

– Сама разберусь, как мне нормально, – сунув в рот жвачку, буркнула она и наклонилась, чтобы обуться. Её пошатнуло. Устояв, заторможено уставилась на свои босоножки с отломанными каблуками и, отшвырнув их вдруг, нагло сунула ноги в Данилины резиновые шлёпанцы.

Он выскочил за ней в подъезд.

– Да погоди ты, дурная! Давай хотя бы мотор тебе возьму! Ну стой! – поймал на выходе из подъезда, зажал в тамбуре.

Обхватил её лицо руками, заглядывая в глаза, лихорадочно соображая, как быть. Испугался вдруг. Капец, как испугался! Не готов был её отпустить вот так сразу и в никуда. – Хотя бы номер телефона оставь или адрес, где я смогу тебя найти?

– В магазине ищи!

– В каком ещё магазине?

– В котором прокладки продают, придурок!

Попыталась отпихнуть его, завязалась недолгая борьба, и он не стал перегибать, сдал назад. Выскочил следом за ней из подъезда, глядя, как она то и дело теряет его огромные шлёпки, поплёлся следом:

– Так ты из-за этой херни, что ли, психанула?

– Херни? – резко развернулась она. – Херни?!

– Да что тут такого-то? Ты что одна такая во всём свете?

Или ты думаешь, я дебил, не понимаю...

Замолчал: возле первого подъезда, резко свистнув тормозами, остановилась чёрная тонированная девятка. Синхронно хлопнули передние двери и, едва глянув на вылезших мужиков, Данила сразу вспомнил, кто ещё и когда мог подкинуть ему наркоту.

– Да, представь себе, ты дебил! – обиженно шипела Маринка.

– Ладно, всё, проваливай, – сквозь зубы буркнул он и подтолкнул её к дорожке палисадника между домами.

Даже не обернулся ей в след. Только, перекрывая проход в палисадник, широко и пружинисто расставил ноги и сунул

руки в карманы.

Эти двое остановились на расстоянии пары шагов – руки тоже в карманах, рожи на понтах. Тот, что справа – тот самый мудака, с которым Данила «обнимался» чуть не подравшись в Удаче, когда ждал Шпика, и которому, как и той сучке с пивом, вся масть была подкинуть порох², неторопливо надул жвачку.

– Ну здорова, Хулиган! Типа, с прибытием на гражданку тебя.

– Чё надо? – внутренне собрался Данила, расслабляя при этом колени и плечи и прицельно намечая точки на стоящей перед ним туше, куда будет пробивать.

Главное, чтобы не навалились разом, чтобы успеть хотя бы одного уделять. Хотя бы в нокдаун.

– По беспределу надо ответить. Бабки вернуть. Сегодня в четыре в «Якоре» на центральной набережной. Шпик по-хорошему предлагает решить, наверх пока не сообщает, поэтому не советую фуфлить.

– Не, не канает. Когда мне надо было, я к нему на стрелку пришёл. Теперь ему надо, пусть он ко мне приходит. В восемь, у памятника Пушкину на бульваре.

Бобики заржали.

– Ты не понял, Хулиган, – угрожающе хрустнул шеей тот, что справа, и сделал шаг вперёд. Данила шагнул ему навстречу, заметив, как едва уловимо дёрнулась рука в карма-

² Порох (жарг.) – наркотик в порошке.

не второго – сработала наизготовку выкидуха³ с коротким лезвием. Прирезать такой, это навряд ли, а вот разукрасить – легко. – Пока ты там казённую кашу жрал, Шпик поднялся. Ты с ним больше не ровня. Поэтому приедешь ты. В четыре. В Якорь. А не приедешь, – медленно провёл пальцем по шее, – кирдык тебе.

– Нет, это ты не понял: в восемь, у памятника Пушкину.

– Ну-ну... – усмехнулся бобик и, сплюнув жвачку Даниле под ноги, вальяжно двинул обратно к машине.

³ Выкиду́ха (жарг.) – автоматический нож на кнопке с фронтальным выбросом клинка.

Глава 8

Кралась словно мышка, но когда уже добралась до своей комнаты, из Тёмушкиной спальни выглянула Оксана. Шепнула:

– Привет! Ты же сразу в институт собиралась?

– Репетицию перенесли на вечер, – пряча лицо за волосами, так же шёпотом соврала Маринка.

– А чего ты тогда так рано? Что-то случилось?

– Нет, просто мы с Катькой ходили на затон рассвет встречать.

– Делать вам нечего, – улыбнулась Оксана. – Ну ладно, досыпай. Тебя разбудить потом или сама?

– Сама.

Закрылась у себя, не раздеваясь рухнула на кровать. Прохладное покрывало принесло облегчение, но скоро нагрелось, и Маринку тут же начало мутить с новой силой. Изводил сушняк. Перед закрытыми глазами клочками всплывали воспоминания: подушка на коленях, половинка сердца в кулаке. Водка, отчаянное желание сдохнуть. Кирилл... Катька... И так больно от всего этого, что, кажется, это её сердце разбилось на те две половинки, которые уже не склеить.

Каким-то чудом получилось заснуть, но ненадолго. Кажется, только провалилась в блаженное забытие, как над ухом монотонно загалдело:

– Па-а-аиграем! Мариночка, па-а-игаем! С Тёмушкой па-а-аиграем...

– Тёмушка, ты зачем Мариночку будишь? – позвала из другой комнаты Оксана. – Не надо!

– Не-е-е надо будить Мариночку! Не-е-е надо! – тут же завёл новую пластинку брат.

– Правильно, не надо! Иди сюда, я с тобой поиграю.

Он ушёл и даже послушно закрыл за собой дверь, но проснувшаяся Маринка всё равно уже снова погрузилась в мучения. Голова раскалывалась, во рту всё ссохлось, но даже от мысли о том, чтобы встать и дойти до кухни становилось ещё хуже.

Снова нахлынули воспоминания. Какой же он всё-таки гад... Почти год отношений перечеркнуть вот так просто, да ещё и с её лучшей подругой! Какой-то проклятый месяц не дотерпел, скотина! Да и как теперь поверить в то, что это было между ними лишь раз, тем более после того случая прошлой осенью?

Тогда, в начале прошлого учебного года, Маринка на неделю задержалась с возвращением из профилактория, а Катька за это время успела закружить с красавчиком третьекурсником. Хотя, как закружить – просто после общего сбора первого сентября институтский ансамбль пляски, принимая в свои ряды новых участников-первокурсников, по традиции устроил знакомство-чаепитие на кафедре. Чаепитие, ага... Короче, набухавшись, Катька с Кириком перепихнулись

в туалете. А на следующий день он её даже не узнал! То ли перебрал накануне, то ли просто видел её тогда впервые в жизни и тупо не запомнил – не понятно. Но Катька особо и не расстроилась, наоборот – она тоже была в шоке от себя, поэтому рассказала о случившемся только Маринке, и то, по страшному секрету.

В конце сентября Маринку поставили с ним в пару на танец, и она сразу же, с первой же репетиции, на него запаала. На него невозможно было не запасть, по нему, кажется, сохли все танцорки, начиная с первого и заканчивая пятым курсом, но Кир, как ни странно, был свободен. Вскоре он проявил инициативу, и они стали встречаться, всё серьёзно. Катька к тому времени уже затусила с его однокурсником Женькой и забыла тот дурацкий случай на чаепитии. Всё. Тема закрыта, все счастливы.

Но теперь...

Закрыта ли тема? И что, если бы она не пошла к Катьке с ночёвкой и не нашла этот чёртов кулон? Кир вернулся бы с гастролей и, как ни в чём не бывало, продолжил ей врать? А она-то, как дура, всю голову уже сломала, планируя, как сделать их первый раз незабываемым... Чтобы оба запомнили, ведь так долго ждали. Ждали, ага! Да вот только не оба. Кое-кто, похоже, ни в чём себе не отказывал. Гад!

Не выдержала, ломанулась в ванную. Склонилась над унитазом, но кроме мучительной тошноты – ничего. Просто нечем.

Кинула сарафан и лифчик в стирку. Перепаханные кровью трусы замотала в сто слоёв туалетной бумаги и сунула в мусор. Как часто шутит папа: «Нет тела – нет дела»

Но, намыливаясь под душем, всё равно долго не решалась коснуться промежности... Потому что «дело» было, и обратно уже не залепишь.

Как тупо всё получилось. А главное – месть не принесла ни удовлетворения, ни покоя. Даже наоборот. А ещё и этот придурак... Месячные, блин!

Не выдержала, заревела от обиды и раскаяния. Ну и смысл было беречься? Отказывать Киру, выносить ему мозг своим грядущим восемнадцатилетием, если в итоге первым оказался случайный встречный, который даже не понял, что был первым? Гордилась своей невинностью, говорила: «я не такая», а по факту оказалась одной из многих, да ещё и подснятая в кабаке. Не удивительно, что он ничего не понял. Сама виновата. Лучше бы ещё прошлой осенью Киру отдалась, может, тогда всё сложилось бы иначе.

После слёз и душа стало немного легче, даже снова получилось провалиться в сон, но опять ненадолго. Раздался звонок в дверь и, перемежаемый чьим-то невнятным бормотанием, Оксанкин голос:

– Так она спит, Кать! ... А вы что, уже даже пару часов друг без друга не можете? ... Ну не знаю, загляни...

Дважды щёлкнула дверная ручка, за спиной раздались вкрадчивые шаги.

– Марин, ты спишь? Мари-и-ин...

Она резко обернулась:

– Чего надо, Махонина?

– Да ничё, просто до утра не спала, всё думала, какая муха тебя укусила? И волновалась вообще-то: добралась ты до дома, не добралась, всё ли нормально.

– Добралась, как видишь, и очень даже нормально! Всё, теперь иди на хер!

Катька, обиженно поджала губы.

– Оксана говорит, ты только утром вернулась? Ну и где бухала? Пасёт от тебя на всю комнату.

– Не твоё дело, – огрызнулась Маринка, но всё-таки встала и, морщась от головной боли, открыла окно.

– Ну как сказать, не моё. Что ты там орала-то ночью, я так и не поняла?

Вместо ответа Маринка схватила сумочку, зарылась в бардаке, отыскивая кулончик. Не найдя на весу, высыпала всё на стол. Всё равно не нашла. Разочарованно усмехнулась – так хотелось бы швырнуть его в наглую Катькину рожу... Сцепив руки на груди, повернулась к ней:

– Давай честно, вы Кругловым любовники?

Катька ошарашенно молчала. Слишком долго молчала! Можно было тысячу раз сказать НЕТ.

– Понятно. Ну что ж, ожидаемо. Не просто же так ты у него в машине прописалась! Вот я дура-то, а... Представляю, как вы надо мной ржали. А что, потрахались с утречка и за

Мариночкой на остановочку. Подобрать по пути, ага.

– Чёт я вообще не понимаю о чём речь, Марин. Клянусь.

– Ой, Махонина, хорош прикидываться, а? Ты, с тех пор как переехала, так постоянно с ним! В институт он тебя везёт, из института он! А я так, как балласт какой-то между вами!

– Да а что такого-то, если мы с ним теперь на одной улице живём? Какая ему, нафиг, разница сию я у него в машине или нет, если он один хрен, едет туда же, куда и я? Ты чего выдумываешь, Иванова?!

– Выдумываю?! А как на счёт его кулона, который я нашла в твоей подушке? Это я тоже выдумала?

Катка снова молчала слишком долго. И заметно нервничала.

– Какого ещё кулона?

– Который я дарила ему на День влюблённых!

– Девочки, я чай сделала, – заглянула в комнату Оксана. – Пойдёмте.

Катка глянула на Маринку, покусала губу.

– Да нет, тётъ Оксан, я наверное пойду. Столько дел ещё...

– А репетиция у вас во сколько сегодня, Кать?

– Какая репетиция? У нас на этой неделе вообще ничего нет, хореограф уехал.

– Да? – Оксана глянула на Маринку, едва заметно нахмурилась. – Ну и хорошо, хоть отдохнёте, лето всё-таки. Но чай пойдём, попьём. Десять минут тебе погоды не сделают, прав-

да же, Марин?

Пришлось делать вид, что всё нормально. Сидеть за одним столом, слушать Катькин бред, самой нести какую-то ахи-нею. И всё бы ничего, если бы Оксана не сидела с ними и не задавала вопросы с подвохом, на которые Катька либо не знала, как отвечать, либо отвечала невпопад.

– Ладно, я пойду, – наконец набралась смелости Катька и решительно встала из-за стола.

Проводив её, Маринка попыталась слиянть к себе, но Оксана не дала.

– А теперь ты расскажи мне, где была и чем занималась этой ночью?

– У Катьки.

– В глаза мне смотри, пожалуйста.

Столкнулись взглядами, но Маринка долго не выдержала, отвела.

– Нет я всё понимаю, – вздохнула Оксана, – я тоже была молодая, и тоже ходила с ночёвками к подружкам. И бывало даже такое, что пока родители думают, что мы друг у дружки дома – мы сбегали на танцы. И даже тайком пили шампанское! Это я всё понимаю. Но объясни мне, пожалуйста, как получилось, что ты до сих пор не протрезвела, а Катя, судя по всему, даже не пила?

– Мне, вообще-то уже восемнадцать! – несмело огрызнулась Маринка. – И я не обязана отчитываться. Тем более перед тобой!

– Ах, даже так? Надо же, как ты заговорила. Ну конечно, уже две недели, как совершеннолетняя! Уже права можно качать. Ну хорошо. Тогда тебе придётся отчитаться перед отцом. Ему, как ты понимаешь, плевать на твои восемнадцать.

– Не придётся. Я прекрасно знаю, что ты ему не скажешь.

– То есть, это ты всё-таки понимаешь? Отлично! Но знаешь, когда я позволяю тебе делать то, что не разрешает отец, я в первую очередь думаю о том, чтобы было хорошо тебе. Я понимаю, что он перегибает со своей строгостью, я понимаю, что ты взрослеешь, и тебе нужно больше свободы, и я рискую, между прочим, нашими с ним отношениями, когда даю её тебе. Но в ответ я рассчитываю на твоё уважение и на то, что ты действительно взрослеешь! А в итоге что? Не только я не знаю, где ты была всю ночь, но и твоя подружка, к которой я тебя отпустила! А если бы с тобой что-то случилось, Марин? Как бы я отцу твоему в глаза смотрела?!

– Я была у Катки, – упрямо твердила своё Маринка. – Просто мы действительно не встречали рассвет, потому что я уехала раньше.

– До того, как напилась, или после?

Маринка промолчала.

– Ну хорошо, а это что? – Оксана подняла руку с резиновыми шлёпками. – Это явно не Катины. И где, спрашивается, твои новые босоножки?

– Я ногу натёрла. А это её брата шлёпки.

– Отлично. Значит, сегодня ты обменяешь всё это обрат-

но, так?

Маринка вынужденно кивнула.

– Ну и конечно, никаких больше ночёвок и поблажек, Марин. Ты обманула моё доверие. Всё.

В замке зашурудил ключ, Марина с Оксаной встревоженно переглянулись.

– Марш к себе, и пока отец не заснёт, не высывайся!

Глава 9

Часов около двух дня взяла Данилины шлёпки и потихоньку вышла из дома. К Катьке ехать, само собой, не собиралась – ни за босоножками, ни за разборками. И так всё понятно. По-прежнему болело сердце, и душила ярость. В голову навязчиво лезли варианты того как и где они этим занимались. В картинках. От обиды то и дело наворачивались слёзы, но Маринка упорно душила их и обещала себе, что не будет убиваться из-за этих двух. Подумаешь.

Но всё равно ревела.

На подходе к сталинской пятиэтажке отчего-то вдруг разволновалась. Постаралась взять себя в руки и настроиться решительно: звонит в дверь, прямо с порога отдаёт шлёпки и требует босоножки. Всё.

Но Данилы дома не оказалось.

Плюнула на всё и пошла на городской пляж. И там, подложив под голову те самые шлёпки, проспала в тенёчке аж до начала шестого.

Снова пришла к Даниле, и снова не застала его. Но, правда, открылась дверь соседней квартиры и из неё выглянула старушка.

– Ты чего всё ходишь? Нету его.

– А где он, не знаете?

– Даже если б знала, всё равно бы не рассказала! А ты чего

хотела-то?

Маринка протянула пакет с обувью:

– Передадите ему?

А уже выходя из подъезда, вдруг решилась. Вернулась, позвонила к соседке в дверь.

– А можете ещё записку передать?

*** **

В «Якорь» явился часа за полтора. Разглядывая в окно стоящие у причала катера и большой теплоход, умял эскалоп с картошкой фри. Несколько раз выходил в туалет, а возвращаясь, то, «случайно» перепутав двери, поднялся по винтовой лестнице к подчердачному помещению, то сунулся на кухню, то в соседний зал, где готовился большой свадебный банкет. Но всё было не то. Мест, чтобы душевненько поговорить со Шпиком наедине, не находилось, а холуйски являться к нему на назначенную аудиенцию Данила не собирался. Всё шло к тому, что в этот раз не выгорит.

Уже уходя, попал вдруг в толчею на входе: гости встречали молодожёнов. В этот же момент засёк и Шпика – он вынужденно остановился сбоку от входа, ожидая, пока закончится шашал и со скучающим видом ковырялся мизинцем в зубах. Раскабанел, сука, ряха в воротник не помещается. С ним были двое – те, которые приезжали к Даниле на разговор. И тоже, как придурки, стояли и ждали, пока им дадут пройти. Данила усмехнулся. Охрана, называется. Гопники с района, не больше.

Смешался с гостями свадьбы, прошёл вместе с ними в зал. Специально сев почти напротив стеклянных дверей, даже пожрал нахаляву. А когда, около половины пятого, заметил жирную тушу Шпика идущую к сортирам – как ни в чём не бывало подмигнул девчонке через стол напротив и ушёл. Как говорится, «Совет да любовь молодым», но пора и честь знать.

Сортир был на четыре писсуара и две кабинки, одна из которых занята. Заглянул под дверь – крокодиловые ботинки Шпика беспокойно дёргали носами. Нервничает скотина? Не любит, когда его не уважают, на стрелки к нему не приходят? Или просто запором мучается?

Впрочем, Данила и сам слегка нервничал. Если к тому моменту, как Шпик просрётся, из сортира не уйдут случайные посетители, придётся догонять гада в коридоре и тащить к чердаку. Такую тушу. К тому же мимо зала, где ждут его раздолбаи... Либо всё-таки переносить разговор на другой раз.

Но сложилось. Прямо-таки звёзды сошлись: едва папа жёниха вышел за дверь, из кабинки показался и Шпик.

Данила не церемонился. Он был зол, как сука.

Оглушающий хлопок ладонями по ушам, серия пробивных по жирному пузу. Охнув, Шпик завалился спиной в свою же кабинку, и Данила, ускорив падение ударом ноги в грудь, шагнул за ним. Шпик за собой не смыл, не царское это, видать, дело. Данила схватил его за бритый жирный затылок и замолотил мордой об бортик унитаза. Когда на бе-

лой эмали повисли кровавые сопли, чуть склонился:

– Вот теперь всё. Теперь ни ты мне, ни я тебе не должен. Разбежались и забыли. А по поводу своей крыши, которая меня якобы нагнёт, если я не верну бабки – фуфли кому-нибудь другому. Если они узнают, что ты в их заведении подставы с наркотой разыгрываешь – в своём же дерьме захлебнёшься, Шпик. Примерно вот так! – и, жёстким пинком колена подтолкнув вперёд, ткнул его окровавленную рожу в кучу говна.

Уходил тихо и быстро, но на крыльце столкнулся вдруг с одним из его гопников. И ведь замер-то всего на мгновение, но и этого оказалось достаточно, чтобы словить выкидуху со спины. Хорошо не перо. Вот такой дешёвый залёт, сука...

*** **

За ужином отец был хмур и погружён в себя. Его даже Тёмушка не трогал. Оксана бросала на Маринку короткие, внимательные взгляды и от этого было не по себе.

– Ну вот, пожалуйста! – неожиданно рывкнул отец. – Это что, ногти подростка? Это когти, которые нужно приравнять к холодному оружию!

Маринка аж спину выпрямила и невольно поджала пальцы в кулачки.

– Андрюш, ну это модно, все девчонки сейчас так ходят, – вступилась Оксана. – Ещё и подлинше носят, так что...

– Угу, – кивнул отец, – а некоторые вдоль трассы по ночам стоят, что ж теперь и нашей не постоять, да?

– Ну ты уже прям перегибаешь. Причём здесь панель? Тёмушка, не балуйся с хлебушком!

– Не-е-е балуся с хлебушком! Не-е-е балуйся! – тут же, почувствовав внимание, загалдел брат.

– Да при том! Всё это одно к одному. Сначала ногти, потом юбка под самые потроха, потом по ночным клубам шляется, а там и до панели рукой подать!

Маринка почувствовала, что краснеет.

– У тебя что-то случилась? – Оксана положила руку ему на затылок, слегка помассировала, и озабоченная хмурая броня отца буквально на глазах стала таять, превращаясь в обычную смертельную усталость. Как она это делает – загадка, но только в её руках отец позволяет себе подобное.

– Олег в больнице с сотрясом. Рожа вся расцарапана, чуть глаза не лишился. Шмонали сегодня ночью гадюшник этот, «Удачу», по звонку о наркоте. И там потаскуха какая-то пыталась через окно свалить, он её взял, а она ему в рожу вцепилась. Наверняка вот с такими же точно когтями! – ткнул в Маринку, она тут же опустила взгляд в стол. – Потом на помощь ей подоспел какой-то чмырь, с замотанной башкой, сразу понятно, бывалый. Сцепились с ним влётку, а эта сучка Олежке бутылкой по башке – прям по старому пролому. И готов сразу.

– Ох, – ужаснулась Оксана, – а как он сейчас?

– В стабильном тяжёлом, но меня пустили поговорить. Ни хрена не помнит ни лиц, ни примет, только что баба молодая

совсем ссыкуха, в коротком платье, с длинными волосами. На каблучищах. Ну то есть, классическая клубная блядь.

– Это какой Олег? – хрипло пискнула Маринка. – Крёстный?

– А какой же ещё?

Маринка посидела немного, прибитая, и встала из-за стола.

– Спасибо. Я пойду, можно?

Отец кивнул.

– Тёмушку заberi, – попросила Оксана, провожая её внимательным взглядом.

В комнате первым делом коротко срезала ногти. Тёмка всё трогал её за плечо, монотонно прося поиграть, а она старалась абстрагироваться и не раздражаться. Для аутистов сам процесс повторения одного и того же – уже увлекательное занятие, можно не заморачиваться и просто приглядывать, чтобы никуда случайно не влез, но Маринка обычно и этого долго не выдерживала. И папа тоже. И даже мама, которая однажды, как видно, смертельно устав, выпросила у отца недельку одиночного отдыха в Турции, и так оттуда и не вернулась, променяв проблемную семью с мужем ментом, за копейки ходящим под пулями, шестилетней капризной дочерью и трёхлетним доставучим сыном-аутистом на какого-то турка.

А вот Оксана была в этом плане святая – спокойная, выдержанная, добрая. И это просто чудо, что Тёмушке попа-

лась именно такая нянька, и что эта нянька полюбила оперу Иванова, несмотря на его опасную работу, вечную угрюмость и острую, болезненную недоверчивость к женщинам. Да и сам он словно исцелился ею, доверился спустя долгие пять лет одиночества...

И только сейчас Маринка вдруг остро поняла, как сильно подставила её перед отцом. Не дай бог всё вскроется... Отец не простит. Не с его характером прощать такое. Будет страдать и жрать свой диктаторский кактус, но нарушения своих правил с рук не спустит. И что тогда? Ну не выдержит Оксанка, плюнет и уйдёт – они ведь даже не женаты! – и всем четверым разом станет плохо. А всё потому, что одна самонадеянная дура решила, что уже выросла.

– Спокойной ночи, – заглянула к ней перед сном Оксана.

– Оксан, – села на кровати Маринка, – прости меня, а?

– Ты понимаешь, что я за тебя волнуюсь? – подсела та к ней. – И отец волнуется. И что я не могу между вами разорваться? Понимаешь?

Маринка порывисто обняла её, уткнулась носом в плечо.

– Я не хотела. Не думала, что так получится. Ты только не уходи от нас, ладно?

– Я не собираюсь никуда уходить, но если с тобой что-то случится, боюсь, отец сам меня выгонит. За ненадлежащее исполнение служебных обязанностей! – Она говорила полуплутивым тоном, но Маринка чувствовала в нём горечь. – Надеюсь, прошлой ночью ты не наворотила ничего такого,

что уже не исправить? – заглянула Маринке в глаза. – Ты понимаешь, о чём я?

Маринка испуганно кивнула.

– Да. В смысле нет! Не наворотила!

– Хорошо. Давай договоримся, что больше это не повторится. Да?

Она ушла, а Маринка ещё долго лежала и думала – а вдруг наворотила?

*** **

Очнулся. Вокруг темно, в лицо что-то тычется. Доносятся обрывки музыки, смех. Не с первой попытки, но удалось подняться – оказалось, вокруг какие-то ветки. Стал из них выбираться – покатился вдруг куда-то. Внизу долго приходил в себя: в голове били набаты, бок со стороны спины, плечо и бедро тянуло противной болью. Собрался, поднялся на четвереньки. Чуть в стороне с рёвом проносились машины. Дорога. Посидел немного, приходя в себя. Обернулся – выше по склону белела полукруглая стена «Якоря», ярко горели панорамные окна, на террасе толпились гости со свадьбы. Чуть ниже тянулось ограждение из кустов сирени. Вот из них-то он только что и «выпал» Вот в них-то его и скинули, отпинав для начала и слегка порезав. Ощупал плечо – мокрое и липкое, то же и с боком.

Каким-то чудом добрался до своего жигулёнка. При включённом свете через прореху в штанах осмотрел рану на бедре – колотая, противная, но неглубокая, может, сантиметров

пять. Болеть, конечно, будет долго, но опять же – хорошо, не перо под ребро.

Пока сидел, ещё ничего, даже без приключений довёл машину до дома, но стоило встать – шатало так, что приходилось держаться за стены. Кое-как поднялся на второй этаж, но вот с попаданием ключом в замок возникли проблемы – от ранения плеча правая рука дрожала, и всё расплывалось перед единственным видящим глазом.

Щёлкнула соседская дверь.

– Ой, Данила, ты что ли, а я-то думаю... – и баба Маша осеклась. – Батюшки-и-и... Что случилось?

– Нормально всё, баб Маш. Просто подрался.

– Да ты же в крови весь! Тебе, может, скорую вызвать?

– Не. Я сам. Не переживайте. До свидания...

– погоди, тебе тут передали!

– А, спасибо, – ни хрена уже не соображая, кивнул Данила и, стараясь не рухнуть при соседке, ввалился в квартиру. И рухнул уже там.

В темноте и тишине ненадолго забылся прямо в коридоре на полу. Очнулся и не сразу понял, где находится. Помогла дурацкая картинка на стене: сестрица Алёнушка и братец Иванушка покрытые фосфоресцирующим составом – её когда-то сто лет назад подарил матери отец. Ещё до развода. Интересно, почему она забрала себе отцовский дубовый стол, а свою картинку оставила?... Мысли роились идиотские, но они привели в сознание.

Постоял возле зеркала в коридоре, рассматривая абсолютно заплывший глаз. Выругался, добрёл до кухни, выбрал нож поострее, прокалил его над плитой и, захватив полотенце и чекушку дядь Серёгина самогона, вернулся к зеркалу.

Сотряс чувствовал, знал его симптомы, но не боялся. Был у него как-то нокаут с долгой отключкой, периодически случались нокдауны. Тренированная башка, короче. А уж сколько этих заплывших глаз и поломанных ушей! Тренер всё шутил: «Пока нос целый, ты, Магницкий, недобоксёр! Иди тренируйся!» Но на самом деле уважал, выделял среди остальных, пророчил большое спортивное будущее. А Данила подрос и, едва перейдя из средней весовой в тяжёлую, променял спортивный режим на кураж и дворовые боины.

Сжав зубы, надрезал гематому под бровью, спустил кровь. Жаль льда нету.

Завалившись на диван, вспомнил вдруг про соседкину передачку.

– Барс, кс-кс-кс...

Тот примчался, полный надежд на кормёжку, но Данила только кивнул:

– Братан, притащи там пакет из коридора...

Кот глянул на него как на дурака.

– Дармоед, – борясь с головокружением, снова поднялся с постели Данила. – Поедешь у меня в гаражи жить, понял... – и, открыв пакет, замер.

В груди вдруг как-то непривычно расширилось и погоря-

чело. Сердце радостно заколотилось, отдаваясь тупой болью в виски. Сама пришла! И тут же, следующей волной, догнало разочарование – но больше не придёт... С новой силой заболела голова, отбитые рёбра, порезы... Всё вдруг стало таким раздражающим и не имеющим смысла... А потом нашёл записку: «Верни мои босоножки! Завтра в десять на Заканальной»...

Лежал на диване, снова и снова перечитывая эти две строчки, и лыбился как идиот. И вроде уже даже ничего не болело. И было бы там «Сегодня ночью в Удаче» – встал бы и пошёл. А то до утра ещё ждать и ждать, блин...

Глава 10

К утру сто раз передумала туда-сюда. Измучилась и даже разозлилась на себя: Всего лишь забрать босоножки! Пришла, взяла, ушла. Всё! Не надо ни в глаза ему смотреть, ни разговаривать, ни даже здороваться, если не хочется!

Решила не идти. Всё, уже точно. Однако когда в начале десятого Оксана попросила её погулять с братом, Маринка неожиданно психанула.

– А можно было заранее предупредить? У меня вообще-то планы на это время!

Тут же болезненно заскребло по совести, но Оксана только вздохнула:

– Хорошо, я сама. Но говорю заранее: вечером надо будет погулять с Тёмушкой. Так тебя устраивает? И впиши, пожалуйста, в свои супер-планы на сегодня уборку в квартире. Ты, если помнишь, должна была сделать её ещё вчера.

Остановка «Заканальная» находилась в трёх кварталах от дома, от силы пять минут ходьбы, но Маринка почему-то шла все пятнадцать, а уже на подходе и вовсе остановилась. Стало вдруг как-то не по себе.

Ну и зачем ей эти дурацкие поломанные босоножки? Не проще ли соврать Оксанке, что, например, гуляли с Катькой ночью босиком по набережной, и она просто забыла обувь там? Ну да, по пьяни. Но с этим-то уже, вроде, разобрались?

Ещё более идиотски она чувствовала себя стоя на остановке: пять минут одиннадцатого, десять, пятнадцать...

Что он о себе вообще возомнил? Думает, она ему свидание назначила?! Идиот! Да просто босоножки суперские! И, между прочим, денег стоят! А каблуки можно и новые приделать!

Решительно направилась в сторону его дома. Просто заберёт своё и всё. Имеет право.

Позвонила в дверь, а в ответ тишина. И снова это ощущение, что она дура. Даже щёки вспыхнули, а в груди пронзительно заняла вдруг тоска по Кириллу.

Больно. Как же больно! И сколько глупостей не совершай – а заглушить боль не получается.

Всё мужики – козлы! Да пошли они все!

Пнула в сердцах дверь, и, словно в ответ, ручка на ней вдруг дёрнулась. И ещё раз, как будто кто-то баловался ею с обратной стороны. Из-за двери раздалось истошное мяуканье.

Маринка склонилась к косяку:

– Кс-кс-кс... Барсик, Барсик...

Он заорал ещё отчаяннее, и к участившемуся дёрганью ручки добавился грохот его прыжков.

– Барсик...

Он сиганул ещё, ручка вдруг щёлкнула, и дверь едва заметно приоткрылась.

*** **

Колотить начало ближе к утру, да так сильно, что реально – зуб на зуб не попадал. Тело покрылось липкой ледяной испариной. Ломало. За неимением лучшего, обтирался дядь Серёгиным самогоном. Да что там обтирался – можно сказать умывался, особенно тщательно поливая припухшие порезы. Матерился при этом в голос и молотил кулаком по столу, переживая резкую обжигающую боль. Потом снова валялся на диване и трясся.

Как отпустило и провалился в сон – этого даже не заметил. Во сне было хорошо: легко и спокойно. Там был отец и мать, и они были вместе, и, кажется, даже держались за руки. А ещё там почему-то был ЗИЛ-130, крашенный под армейского в хаки. И много-много железа. Данила ходил среди гор корёженного металлолома и различал с первого взгляда: алюминий, чугун, нержавейка, латунь, чермет... И именно от этого и было легко и радостно. Потом вдруг снова стало холодно, заколотило. Сон рассыпался на сумбурные ошмётки, один из которых – куча Шпиковского говна с резкой горькой вонью.

Очнулся от того, что кто-то похлопывал по щеке, легонько, но настойчиво. Продрал глаза и не сразу понял, что происходит. Показалось вдруг, что он валяется с жуткого бодунища, после той самой ночи в «Удаче». Только, вроде, наоборот должно быть: Маринка в дрова, а он огурцом. Разве нет?

Но именно она склонялась сейчас над ним – свеженькая,

хотя и испуганная, а он лежал перед ней с треснутой нахрен башкой и мучительной тошнотой...

*** **

В квартире стояла такая жуткая самогонная вонь, что Маринка сразу поняла – он вусмерть бухой. Лежит на диване, замотавшись в одеяло, и страдает с похмелья. Зашибись.

И вот *с этим* недоразумением она лишилась девственности! Позорище, блин.

Хотела просто сбежать по-тихому, и впредь за сто кварталов обходить этот район, но взгляд случайно упал на окровавленное полотенце на полу и подсохшие бурые капли на паркете. И нож валяется...

– Оксан, это я! – бездумно процарапывала монеткой сердечко на стене перед телефоном-автоматом и обмирала от волнения: спáлит, точно спалит! – Оксан, а помнишь, у папы прошлой осенью ножевое было, и ты ему антибиотики какие-то колола? А какие?

Конечно, Оксанка встревожилась! Началось: Где ты, с кем ты, зачем тебе, когда вернёшься... Маринка поклялась, что у подружки, медицинский кроссворд разгадывают. Поклялась, что скоро придёт и сделает и уборку, и с Тёмкой погуляет. Что угодно. Раз сто поклялась.

– ...Оксан, а от температуры папа что принимал? А, не было? Понятно. А ему тогда рану зашивали, или она сама заросла?..

Денег на лекарства Данила дал много. Не хотелось даже думать, откуда у него столько, но слишком уж происходящее напоминало последствия гоп-стопа. Наслышана из проверенных источников, ага. Правда, раньше эти истории приходили к ней с другой колокольни – прямо противоположной, ментовской.

*** **

Когда Данила категорически отказался от «скорой», Марина неожиданно быстро согласилась, словно поняла в чём дело. И даже сама вызвалась сбежать в аптеку. Он сходил на кухню и, не глядя вытянув из обмотанного газетой брикета денег, дал ей. А она снова словно даже не удивилась.

И всё-таки, какие у неё дела с ментами, что ей и попадаться им нельзя, и в то же время с полуслова просекает обстановку? И папа там какой-то, который учит доченьку, как кадык ломать...

Напрягся, вспоминая мужика на вокзале, но там всё было так сумбурно... Он напряжения разболелась голова. Плюнул, отложил до лучших времён.

Маринка вернулась, принесла и лекарства и даже пожрать притащила, умничка. Как смогла, обработала раны, перевязала, сделала укол антибиотика и обезбола.

Она была напряжена и молчалива. И всё же, хотя они даже почти не разговаривали, не уходила. А Данилу катастрофически клонило в сон...

Проснулся – на часах уже начало пятого. С кухни разда-

ётся охренительный запах еды.

Сидел за столом и смотрел на Маринку у плиты. Ноги, плечи, волосы... Невероятно красивая! Вспоминал ту безумную ночь. Их ночь. И сам себе не верил – может, это всё его горячечный бред? Словно почувствовав его пристальный взгляд, Маринка обернулась, тут же смутилась, отвернулась. Нет, не бред. Она действительно здесь.

– Тебе надо к доктору, Дань.

– Не надо, так зарастёт.

– А если осложнение? Я не могу взять на себя такую ответственность.

– Я могу. А ты просто помоги мне, ладно? Ну там, уколы, перевязки.

Маринка промолчала. Оставалось надеяться, что это такое «да»

Есть не хотелось вообще, мутило. Но Данила жутко боялся её обидеть, поэтому через силу ковырял еду вилкой и с тревогой следил за тем, как Маринка поглядывает на часы. Не выдержал.

– Побудь ещё?

Она нервно зажала ладони между коленками:

– Я и так уже весь день у тебя, хотя обещала дома уборку сделать. И ещё с Тёмушкой погулять надо.

– Собака что ли?

Она бросила на него раздражённый взгляд.

– Не твоё дело! – резко встала и пошла в коридор, Данила

за ней.

– Я что-то не то сказал? Марин? Ну извини... Побудь ещё хоть немного? – С отчаянием смотрел, как она обувается. – Ну пожалуйста!

Она сидела на диване и смотрела кино по чёрно-белому «Горизонту» с подсевшим кинескопом, а Данила, положив голову ей на колени тайком балдел, от того, как она, забываюсь, невесомо перебирает его волосы. Но в начале девятого лафа всё равно закончилась.

– Всё, мне пора, – Марина поднялась.

– Ты придёшь завтра?

– Не знаю.

– Тогда оставь свой адрес?

– Обойдётся.

Схватил её за руку:

– Марин...

Так много хотелось сказать, но он не знал, как это выразить словами. Он же не дебил какой-нибудь, чтобы на второй день знакомства задвигать про любовь. И вообще, какая, нафиг, любовь? Поэтому просто держал её за руку и молчал. Тоже как дебил, в принципе, но хотя бы без розовых соплей.

А когда она уже выходила из квартиры, решительно удержал дверь.

– Короче, помнишь сказку «Аленький цветочек»? Там чудище сказало девчонке, что если она не придёт к нему завтра

в двенадцать, то оно сдохнет. Помнишь?

– Ну?

– Вот тебе и ну. Она не пришла, и он сдох. Поняла?

Маринка фыркнула:

– Из всей этой сказки, только одно про тебя – ты сейчас реально похож на чудище! – и, рассмеявшись, скользнула в подъезд.

Звонок в дверь раздался так скоро после её ухода, что Данила даже не усомнился – вернулась, вредина! Но на пороге стояли незнакомые братки сурового вида. Гораздо более сурового, чем гопники Шпика.

– Поехали. Рамза вызывает...

Глава 11

Ночной клуб «Воск», к которому привезли Данилу, располагался в подвале старинного, ещё дореволюционного здания. Мощные стены, арочные проёмы с фигурной кирпичной кладкой, прохлада и капитальная звукоизоляция: в соседнем зале лупят по мозгам басы, а здесь, в маленькой уютной випке, фоном играет что-то кавказское и можно говорить лениво, почти не разжимая губ. Рамза так и говорил. А ещё у него была странная манера – он не смотрел в глаза. Вычищал ножичком под ногтями и бубнил что-то под нос, а у Данилы и так башка раскалывалась, а тут ещё это... Но общий смысл уловил – Рамза им доволен.

– Настоящий мужчина! Дерзкий, как необъезженный жеребец! Мне такие пацаны нужны! Шпик, жирная шакалья туша, всё рассказал. Всё. И как вы с ним под носом у москалей завод обносили, и как он втихую сторожа порешил и на тебя повесить хотел, чтобы твою долю не отдавать. И как в этот раз порох тебе подкинул. Беспредел, короче. А я беспредел не люблю, мой порядок нарушать нельзя.

Рамза бубнил, а Данила думал о том, что же такое случилось-то, что Шпик добровольно понёс наверх информацию, за которую рисковал остаться с оторванными яйцами? Так сильно обиделся за шалость с унитазом?

– И будь я на твоём месте – неторопливо продолжал Рам-

за, – прирезал бы его нахрен, и все дела. Но ты поступил мудрее, ты и деньги свои забрал, и обидчика рожей в дерьмо макнул. Красава! Проблема только знаешь в чём? – Едва ли не впервые за всё время мельком глянул на Данилу и, усмехнувшись, снова увлёкся ногтями. – Это были мои бабки, Хулиган. Надо вернуть.

Данила помолчал, разглядывая склонённую чернявую голову. Не поймёшь, кто по национальности. Пожалуй, полукровка. И акцента нет, а вот в манерах проскальзывает что-то горное. Такие понимают только силу, а обычную вежливость принимают за трусость.

– Не, не пойдёт, Рамза. Его недостача – с него и требуй. Я тут при чём?

Рамза рассмеялся. Следом за ним заржали и его пацаны.

– Ай, красава! Да я бы потребовал, вот только он по своему беспределу уже ответил, и теперь так далеко, что не догонишь. А ты – вот он. И лавэ моё у тебя. И получается, что теперь это твой беспредел. Ты, как человек новый, имеешь право на первое предупреждение. И ты его получил. А теперь надо вернуть бабки. – Помолчал, давая Даниле переварить услышанное. Поднял глаза. – Или отработать. Мне такие пацаны, как ты, нужны. От тебя старание и преданность, от меня – непыльная работёнка и крыша от ментов. – Побуравил чёрным взглядом. – Отработаешь к осени, без процентов обойдёмся. Затянешь – счётчик включу. Видишь, условия райские, дальше всё зависит от тебя!

– Мне надо подумать.

– Я дал расклад, думай. А авансом тебе – путёвку в здравницу от профсоюза. – Усмехнувшись, кивнул братку у входа: – В пятнаху его, и чтобы там всё путём было.

По дороге Данила попытался слиться от непрощенной заботы, но у братков был приказ, поэтому всё равно приехали в травму пятнадцатой больницы. И там, несмотря на ночное время, тут же нашлась и индивидуальная палата, и в процедурку его вызвали сразу. Заштопали, замазали, замотали, укололи, и отправили спать.

Глядя в окно на луну, Данила разрывался. С одной стороны – Рамза, похоже, реально сила, и прыгнуть к нему в бригаду, да ещё и по личному приглашению, это всё равно, что джек-пот сорвать. Бабло будет точно. Кураж будет. Возможность выбиться в ближний круг, а там, глядишь, и в партнёры.

Да, ходят байки о том, что такое возможно – истории состоявшихся пацанов, которые подогревают мелкую гопоту братья за самую чернуху и ожесточённо карабкаться вверх... Потому что, если кому-то когда-то фартануло – почему бы именно тебе не стать следующим? А Даниле даже не чернуху предлагают, а сразу со среднего звена. Завлекательно, чёрт. Завлекательно...

После утреннего осмотра из больницы ушёл. Весь день прослонялся из угла в угол, боялся отлучиться даже на бал-

кон, чтобы не пропустить звонок в дверь... Но Маринка так и не появилась.

А он хотел вот так же как вчера – пусть ни о чём, но вместе. Просто чтобы смотреть на неё и внутренне замирать. Но в то же время, то, что с ним сейчас происходило, вот это тоскливо-сопливое помешательство, на которое был убит целый день, злило. Непривычно ощущал себя тряпкой. Хрень какая-то.

Случайная девчонка, случайная ночь. Захочет – сама придёт, нет – значит, нет. Идём дальше.

Пересчитал деньги заныканные в вытяжку, оказалось прям нехило. Сунул обратно.

Разговор с Рамзой крутился в голове фоном. Даже если не связываться опять с блатной темой и отказаться от его предложения – до осени ещё полтора месяца, точных сроков на «подумать» ему не ставили, а значит, можно успеть крутануть бабло.

Нужно успеть! Больше такого стартового капитала нахляву точно не будет.

В начале десятого ночи прыгнул в жигулёнка и поехал в гараж.

Долго стоял над обмоткой, содранной с силовых кабелей – где отец столько кабеля взял? Тут можно было бы небольшой цех на предприятии обеспечить. И опять же, тащить это всё в гараж – как минимум глупо, а вообще – опасно. За такое можно реальный срок получить.

Битком загружая багажник обмоткой, в три ходки вывез её в мусорный овраг за кооперативом. А когда, собираясь уезжать, уже закрывал ворота, к нему подошёл какой-то мужик. Кивнул на гараж.

– Купил?

– Да нет. Отца моего.

– Так Саня батей тебе приходился? Тогда соболезную. Хороший мужик был. А я это, смотрю, возится кто-то, дай, думаю, подойду... – Долгая непонятная пауза. – У меня вон, в начале линии гараж, видишь, ворота открыты.

Данила кивнул. Пауза.

– А я Сане это, помогал иногда возить... – многозначительно дёрнул бровями.

И до Данилы дошло.

– Кабель?

– Угу, – глянув в сторону сторожки, понизил мужик голос: – Есть ещё. Много. Так я что подумал – может, у тебя есть батины коны в приёмках, так я теперь тебе возить буду? Медь, алюминий.

– А у вас откуда?

Мужик рассмеялся:

– Слушай, ну я же тебя не спрашиваю, куда вы сдаёте, ну? Каждый на своём месте.

– Не знаю. Не планировал цветмет, только чермет. Но я подумаю.

Домой вернулся за полночь. Устал, как скотина. Кое-как обтёрся мокрым полотенцем, кольнул обезбол и рухнул спать. Спину ломило от напряжения, пульсировало в висках. А в носу терпкой кисловатой прохладой стоял запах железа. Просто песня! Дышал бы им и дышал!

Глава 12

С понедельника возобновились репетиции в институтском ансамбле: в сентябре кафедре Хореографии исполнялось пятьдесят лет, готовился грандиозный отчётник, и всем студентам, готовым пожертвовать летним бездельем ради ежедневных трёх-четырёх часов репетиций, обещали зачёт по сценпрактике и профильному автоматом. Глупо не согласиться.

Но сейчас Маринка подходила к институту и почти готова была повернуть обратно. За эти два дня полного безделья за Волгой, она настолько накрутила себя отношениями Катьки с Киром, что хоть вообще институт бросай! Видеть их обоих и по-прежнему вынужденно общаться с ними – выше её сил! Слишком больно. А если они теперь ещё и открыто встречаться надумают...

Но Катька на репетицию не явилась.

После прогона общих номеров начались сольники, и Маринке пришлось отрабатывать «Последнее танго» с пацаном с четвёртого курса. А раньше она танцевала этот номер с Киром!

Это была страстная история в стиле танго, со всеми этими затяжными взглядами глаза в глаза, скольжением губами по шее, закидыванием ноги на талию партнёра и жаркими, трепетными объятиями.

К концу номера, когда Кирилл, практически уронив навзничь, в последний момент подхватывал Маринку у самого пола и утыкался носом в её щёку, имитируя страстный поцелуй в губы, его гладкая мускулистая грудь в глубоком треугольном вырезе футболки всегда часто вздымалась, а спина была взмокшая и горячая. И Маринка, крепко держась за неё одной рукой, а второй прижимая к своему лицу его голову, каждый раз почти умирала от того, что её сердце переставало биться.

Что в этот момент чувствовал Кирилл, она не знала и боялась даже мечтать о взаимности, пока однажды всё не закончилось не носом в щёку, а настоящим поцелуем в губы. Прямо на уроке. От неожиданности у Маринки разжались руки, и Кирилл, не удержав равновесие, рухнул на неё. И именно с этого у них всё и началось.

А сейчас на его месте был этот Дима, тоже неплохой, в общем-то, парень и талантливый танцор, но Маринку от него тошнило. Она не могла заставить себя смотреть ему в глаза, не дорабатывала по эмоциям, слишком сильно запрокидывала голову, уворачиваясь от его театральных поцелуев, и едва ли не силой держала дистанцию, не позволяя партнёру вкладывать в объятия страстную близость. Непрофессионально, да. Но и нахрен, не больно-то и хотелось!

Однако танец всё равно разбередил ещё больше. А особенно назойливое ощущение Димкиных рук на теле и понимание, что именно эту постановку Кир повёз в Италию, в

паре с девчонкой с пятого курса, которая работает по ночам стриптизёршей в «Воске»

Всё один к одному! Ещё и Катька не пришла – понятно же, что стыдно подруге в глаза смотреть!

Переодеваясь после прогонов, глотала слёзы. Правда что ли бросить к чертям этот институт? Папа будет только рад, если она завяжет с «танцульками» и поступит, например, в «мед», даже обещал поспособствовать. А уж если дерзнёт на академию МВД – вообще счастлив будет!

И Маринка бы дерзнула, но было одно НО: она, в отличие от Катьки, не могла подвести коллектив и слиться за два месяца до ответственного мероприятия, когда каждый человек на счету. И оставалось только гадать, где взять силы, чтобы выдержать всё это через полторы недели, когда вернётся Кир, и они с ним снова станут в пару «Последнего танго»

Ехала домой через весь город в душном, битком набитом автобусе, и было так одиноко! Пожалуй, вот так же ей было только в тот жуткий раз, когда она, семилетняя девчонка узнала, наконец, правду, что мама больше не вернётся. Причём, узнала от самой же мамы, когда та позвонила как-то утром, когда папа ещё не вернулся с дежурства и, поздравив дочку с поступлением в первый класс, рассказала, что у Марины скоро родится турецкая сестрёнка. А потом со словами: «Нет, я не смогу приехать, но я всё равно очень тебя люблю, зайка!» пообещала прислать к Новому году турецких сладостей. И это в то время как Маринка уже целый год ста-

рательно выводила каракулями письма и рисовала рисунки для любимой мамочки! Отдавала их папе, чтобы отправил в красивом конверте, и, изнывая от тоски, послушно ждала, когда же закончится мамочкина «очень важная работа» и она, наконец, вернётся!

А оказалось, все вралы – и мама, и папа... Тогда, в семь лет, Марина ещё не понимала, что не виновата в мамином предательстве, она вообще не понимала, что это предательство. Просто решила, что была недостаточно хорошей дочкой, раз мама решила родить себе другую.

Больше всего на свете ей хотелось, чтобы мама позвонила ещё, и она смогла бы попросить её вернуться, пообещать быть послушной и учиться на одни пятёрки! Но прошёл почти год, мама больше так и не позвонила, и даже обещанные сладости не прислала, и Марина поняла – она ей просто больше не нужна. У неё ведь теперь есть другая дочка, которая лучше. И от этого было больно и одиноко.

Точно так же, как теперь, когда другую девочку, которая лучше, нашёл себе Кир. И спрятаться от этой боли и одиночества, так же как и тогда, не получалось.

И может, поэтому Маринка и вышла на четыре остановки раньше и, стараясь не думать, что и зачем, просто пошла к своему ненормальному чудищу. Может, хоть он не соврал и... ждёт?

*** **

К утру понедельника рану на боку начало дёргать. А ведь

ещё накануне, когда, подтянув в помощь знакомых пацанов, Данила почти весь день потратил на то, чтобы вывезти в приёмку всё железо из гаража, ничего не болело, и вообще казалось – зарастает, как на собаке. Дядь Серёге, который согласился помочь с грузовиком, пришлось сбрехать, что вернулся в бокс и на первой же треньке отхватил мандюлей.

– Вот это дело! – похвалил дядька. – Это по-мужски. Это не танцы там какие-нибудь! Только смотри, бошку всё-таки береги, а то отобьют – в штаны срать будешь.

– Как вы, дядь Серёг? – схохмил кто-то из пацанов.

– Поговори мне, ага! – беззлобно показал тот ему кулак. – Тоже начнёшь.

В общем, в таком непринуждённом, хотя и физически тяжёлом режиме, прошёл весь день. На всякие сопли времени не осталось вообще, и это было круто.

И тут на тебе: проснулся под утро, а в бочину стреляет, и хоть ты сдохни – в мыслях снова, как заноза, Маринка! А вдруг приходила, когда его не было?

Угу. А если нет? И что, сидеть теперь у окошка и ждать? Бред.

Короче, по поводу болячки дурую маяться не стал, заехал в пятнашку, к тому доктору, который принимал его по протекции Рамзы и, приплатив за приём, отдался на перевязку. Оказалось, на боку слегка разошёлся шов, но ничего страшного, сама по себе рана чистая и небольшая, просто поберечься надо – меньше двигаться, не перенагружаться и всё

такое. Ага.

Из больницы поехал по приёмкам, приценяться. А то при-вёз вчера лом на привычную базу, а там, оказывается, установили минимальный тоннаж, и всё, что меньше – берут буквально за копейки. Раньше такого не было.

Домой вернулся после трёх. Хотел жрать, как собака, и, в идеале бы, вздремнуть хоть полчаса, но ещё накануне забил с пацанами стрелку на полпятого на счёт темы по обороту бабла. А ещё надо было бы заехать в нотариальную контору, хоть узнать, а он ли вообще батин наследник-то? Вот сюрприз будет, если нет. А ещё к матери всё-таки надо доехать, а то дядь Серёга вчера всю плешь проел. Да и вообще – надо. Мать всё-таки. А ещё жигулёнок начал чихать, и надо бы его на ТО сдать, пока совсем не сдох. Короче, дел невпроворот. Вот тебе и отоспался, блин, после армии.

Подъехав к дому, парканулся на углу детской площадки. Стал вынимать из бардачка органайзер и даже не заметил, что так и остался в машине, прикидывая варианты по собранной информации с приёмок. Расчертил таблицу: адреса, расценки, тоннаж, предпочтения по видам железа... Увлёкся так, что даже про жратву забыл. А когда глянул на часы – понял, что и не получиться пожрать, пора было ехать дальше.

Хрустнул затёкшей шеей и, случайно подняв взгляд от калькулятора, замер: по дорожке палисадника между домами уходила Маринка. Уже уходила, чёрт!

Догнал.

– Ничёсе, какие люди, да без охраны! – Откуда ни возьмись, плеснула вдруг лихая энергия. Хотелось нести пургу, ржать и острить. Руки и ноги словно куда-то бежали. Неконтролируемо. – А ты чего тут делаешь-то? Неужели, меня пасёшь?

На её щеках мгновенно вспыхнули алые пятна.

– Помечтай, ага! Просто пришла убедиться, что чудище, как и обещало, сдохло!

– Воу, дерзкая, а я, оказывается, соскучился по твоему язычку! Ты продолжай, продолжай! Прямо песня! – хотел отвести с её лица волосы, причём, даже не то, что башкой захотел, а рука сама потянулась, но Маринка увернулась.

– Но я смотрю, у тебя уже всё нормально, так что моя совесть чиста. На! Это тебе! – резко сунула что-то ему в руки и собралась сбежать, но Данила удержал.

– Стоять! Это что вообще? – ощупал бумажный пакет и охренел. – Пирожки что ли?

Она отвела взгляд, щёки пылали.

– Котлеты по-киевски. Я просто мимо ларька шла и подумала... – и тут же щёлк! – и она снова дерзкая язва: – Но если тебе не надо, можешь собакам скормить, мне вообще пофиг, понял!

– Да ты обалдела! Это вообще единственное, что мне сейчас надо. Нет, серьёзно, как ты угадала? – Вгрызся в котлету. – Ммм... Вот оно, райское наслаждение, а не эти ваши Баунти!

Маринка прикусила губу, пытаясь сдержать улыбку.

– Там в пакете салфетки есть. Возьми.

Время поджимало, чёт. Нужно было гнать на стрелку, а он не мог заставить себя сказать ей «пока!» Подождать у него дома она категорически отказалась, но при этом и не уходила. Улыбалась на прущую из него ахинею и задумчиво обрывала листочки на кусте. И было в ней что-то такое... Как будто мыслями она не здесь.

– Ты чёт какая-то сама не своя. Случилось что?

– Всё нормально.

– М. А мне показалось, грустная. Не? Слушай, а поехали со мной? Нет серьёзно, мне в одно место на пару слов, а потом... Ну не знаю, хочешь, на Волгу съездим?

– О нет, только не на Волгу! Я все выходные там отбывала за то, что в пятницу поздно от тебя вернулась. Оксанка втёрла отцу, что я отбиваюсь от рук и надо больше времени проводить с семьёй. А он у меня полумер не знает, решил радикально – семьёй, так семьёй. Вывез нас дикарями за Волгу, и всё. Хочешь, не хочешь, а отдыхаешь. А всё ты виноват! Побудь ещё, побудь ещё! – игриво кинула в него горсть отодранной листвы.

Данила увернулся, и будто невзначай приобнял её.

– Виноват, исправлюсь! Ну так что? Со мной?

– Да поехали уже, не отстанешь ведь! – закатив глаза, фыркнула она. – Только мне в шесть с братом гулять, понял?

– Понял! В шесть подвезу прямо к твоему подъезду!

– Ага, помечтай! – кокетливо тряхнула она волосами и царственно поплыла на шаг впереди него. – Так я тебе и сказала где живу!

А он смотрел на её спину, плечи и тонкую цепочку на стройной загорелой щиколотке, и с прискорбием понимал: всё, капец. Никакое это не временное помутнение. Капитально попал.

Глава 13

Припарковался на обочине и пересел в стоящую чуть впереди тонированную мазду. Уходя, сказал «пять сек», а сам пропал уже на пятнадцать минут.

Маринке было скучно. В его машине не было даже магнитолы, и вообще вся она была старая и грязная. В ней густо пахло машинным маслом, бензином и чем-то таким, чем обычно пахнет в гаражах: немного резины, немного железа, ведро пыли и полстакана затхлости... В новенькой пятнашке Кира всё намного круче: там и музыка, и удобные сиденья с подголовниками и пахнет приятно.

Вздыхнула. Опять Кир! Куда ни плюнь – везде он вспоминается, как будто на нём вдруг белый свет клином сошёлся! И в голову с чего-то вдруг полезли истории подружек, которые прощали своим парням измены, и ничего – до сих пор встречаются и всё нормально. Ну просто, разное же в жизни бывает...

Перед глазами встала картина того, как именно это могло «бывать» у Катки с Киrom, и настроение снова безнадёжно упало.

Ещё через пятнадцать минут ожидания, когда она уже не на шутку разозлилась, Данила вернулся.

– Ну что, куда рванём?

Как ни в чём не бывало! Как будто она не ждала его тут

полчаса вместо обещанных пяти секунд! Взыграла запоздавшая гордость.

– Уже никуда. Всё, я пошла!

– Не понял?

– Чего ты не понял? Время видел?

Данила глянул на часы и присвистнул.

– Слушай, я... Мне показалось, минут пять от силы. Но до шести-то ещё почти час! Давай сгоняем в одно местечко, думаю, тебе понравится.

– Не хочу. Всё, пока!

Пихнула, открывая, дверь, но та не поддавалась. Пихнула сильнее – бесполезно. В растерянности глянула на Данилу, а он лыбится, гад!

– Замок заедает, с улицы надо открывать.

– Так иди и открой!

– Не-а.

– Открой, сказала! Или я в окно вылезу! – и на полном серьёзе схватила за ручку стеклоподъемника.

Данила усмехнулся и резко газанул с места.

– Останови, сейчас же, придурок!

Но он только, втянув голову в плечи, чтобы удобнее было кидать быстрые взгляды по зеркалам, резво переключал скорости и смеялся:

– К шести привезу, куда скажешь, в целости и сохранности, клянусь. А пока – считай, похищение!

Он был похож сейчас на отмороженного шпанюку, и у Ма-

ринки вдруг щёлкнуло. Вжалась в сиденье и испуганно затихла. Это он, точно!

За железнодорожным переездом, уже на выезде из города, глянул на неё слегка виновато:

– Ну ладно, не злись, не съем я тебя. Но ты же сама говорила, что до шести свободна, и я уже всё распланировал. Не люблю, когда обламывают, знаешь ли.

Маринка обхватила себя руками.

– Я тебя узнала. Мы тогда с подружкой из школы шли, и резко дождь с градом ливанул. И какой-то добрый парень на машине предложил довезти нас до дома. А в итоге, почти час катал по всему городу и не отпускал! Не знаешь, случайно, кто это был?

Данила кинул на неё удивлённый взгляд.

– Серьёзно? А я тебя вообще не узнал, прикинь. Да и когда это было – ещё до армии.

– Можно подумать, это что-то меняет! Ты как был отмороженный, так и остался!

– Ой, да ладно тебе, подумаешь. Во-первых, ни хрена бы с вами не случилось, просто похулиганил. А во-вторых, урок вам – нехрен в тачки к незнакомым мужикам подсаживаться, ясно?

Маринка сжалась.

– Ещё час назад мне казалось, что ты нормальный. Со странностями, конечно, но в целом... А сейчас я тебя тупо боюсь. Поэтому отвези меня, пожалуйста, домой. Как чело-

века прошу.

Данила сбавил скорость, а потом и вовсе остановился. Долго молчал, покусывая губу и играя скулами.

– Марин, это было давно, по малолетке ещё. Тогда, бывало, с пацанами всю ночь на куражах отжигали, но только по хулиганке, без жести. А теперь вообще всё изменилось. Я завязал, клянусь. И уж тем более, никогда не обижу тебя. – Смотрел в лобовое, тиская в руках руль, словно пытаюсь его согнуть, но при этом говорил так просто и искренне, что Маринке казалось, будто они с ним глядятся глаза в глаза. Аж дыхание перехватило. – Если ты настаиваешь, я, конечно, отвезу тебя домой. Но мне хотелось бы показать тебе одно место. Не знаю нафига. Но там классно, правда.

Маринка вздохнула. Ну вот что она делает? Зачем?!

– Тогда чего стоим, кого ждём?

Данила разулыбался и поехал, а Маринка отвернулась к окну. Побитый, конечно, но не чудище вовсе.

Приехали на какую-то заброшку за дачными массивами. Она стояла сильно на отшибе, да ещё и посреди высокого заросшего лесом склона. Странное место.

– Это старая насосная, когда-то воду на дачу качала, а сейчас нахрен никому не нужна стала, – заводя Маринку в таинственный полумрак здания, рассказывал Данила. – Здесь осторожнее. Руку давай...

Он так и не выпустил её ладонь, пока они не забрались на крышу. А когда забрались, сделал это с такой неохотой, что

Маринке стало неловко. Обхватила себя руками, опасливо глянула вниз.

– Н-да уж. Ну и что здесь может нравиться?

– Не туда смотришь, – рассмеялся Данила. – Вперёд смотри.

Она подняла глаза и восхищённо замерла: перед ними лежало небо. Далеко внизу блестела вилючая синяя лента Волги, зелёным кучерявым ковром подстилался к ней лес. И такой простор вокруг!

– Классно, да? А знаешь, какой тут закат! Солнце прямо под землю опускается, ты такого больше нигде не увидишь! Кстати, всего через пару часов уже...

– Нет, Дань. Мне надо домой. Я и так отхватила за прошлую пятницу.

– Понял, – вдохнул он. – Ты тогда побудь здесь, а я сейчас, ладно?

Ушёл, через некоторое время появился внизу. Осмотрел покорёженные ворота на въезде и забор из ржавой арматуры. Попинал какую-то огромную трубу, заглянул в какой-то люк, под железной крышкой. Потом скрылся в здании и из него время от времени доносились то скрип, то грохот. Потом вернулся и встал рядом, плечом к плечу.

– Ну что, поехали? Иначе к шести не успеем.

А уезжать-то и не хотелось! Данила после своего кросса по объекту дышал часто и шумно, от него пышило жаром и энергией, прямо как от Кира после танцев. Только от Кира

всегда пахло парфюмом, а от Данилы несло свежим потом и немного ржавчиной. Непривычный, терпкий запах. Маринка стояла, чувствуя касание его жаркого плеча, и где-то в её животе ворочалась непонятная нега. Улыбнулась.

– У меня тоже есть секретное место. Напротив моего дома стоит пятиэтажная сталинка. Чердак всё время закрыт, но с торца растёт акация, и по ней можно перелезть на пожарную лестницу на стене, а с неё – на крышу. А оттуда через слуховое окно на чердак. Там так классно! Ты всех видишь, а тебя никто. И никто даже не знает, что ты там. И я, как ты говоришь «по малолетке», иногда пряталась там от отца и Оксанки.

– Зачем?

– Дура была. У них тогда отношения начались, а я ревновала, мозг им выносила: сбегала, и смотрела, как они меня ищут. Один раз с утра до самого вечера просидела.

– Да ты, оказывается, тоже хулиганка!

– Честно сказать, ещё какая! Самой непонятно – как они меня тогда терпели? – Улыбнулась. – Но теперь я тоже в завязке. И на самом деле классно, что они вместе. Ещё бы поженились, вообще бы круто было. Мне иногда кажется, что Оксанка для отца как ангел-хранитель. Не будет её – непонятно, что станет с ним. – Помолчала, чувствуя, как засвербело в носу, но всё-таки договорила: – Наверняка или на работе поляжет, или сердце не выдержит, точно.

Данила усмехнулся:

– Да любому мужику нужна такая женщина, чтобы было ради кого воевать, если что. Или, как говорил мой батя, чтобы было кому мамонта притащить. Дом построить, дерево посадить и всё такое. Только её ещё встретить надо, именно свою, и как-то понять, что ли, что это точно она. Вот мой отец, например, ошибся с матерью, хотя начиналось всё вроде красиво. А твоему, видишь, повезло, хоть и не с первого раза. Пусть бережёт её теперь.

На плечи легла вдруг его рука, осторожно прижала к себе. Запах – терпкий и смущающий, тут же усилился и скрутился тугим узлом внизу живота. Вспомнился тот безумный поцелуй на вокзале и смешливый взгляд глаза в глаза: «Повторим, дерзкая?» И чертовски захотелось вдруг согласиться...

– Ладно, пойдём, – испугавшись своей реакции, отступила Маринка. – Не хватало опять под арест попасть.

Данила вздохнул и убрал руку.

– Ещё придёшь?

– Нафига? – как можно небрежнее хмыкнула она. – Ты жив-здоров, а мне вообще-то и так есть чем заняться. – Но в груди приятно потеплело. – А ты что, ждать будешь?

– Нафига? Мне и так есть, чем заняться, – буркнул Данила и, не оборачиваясь, двинул к выходу.

И Маринка решила:

– Только я раньше четырёх не могу! И не позже шести. – Глянула на часы, улыбнулась: – Ну ладно, семи.

Глава 14

Слово за слово, ни о чём, но так, что невозможно остановиться, досиделись в жигулёнке на автобусной остановке до восьми. Убегая, Маринка смешно пищала, что дома её теперь точно убьют, но при этом категорически отказалась от того, чтобы Данила довёз её прямо до места. А он и не настаивал, просто сделал вывод, что живёт она где-то совсем рядом. Уже что-то.

На прощание она мазнула его небрежным поцелуем по щеке, случайно коснувшись угла губ, и тут же ляпнув какую-то дерзкую хрень, умчалась. А Данила всё сидел и пытался собрать мысли в кучу.

Решать нужно было многое: как и когда завозить в гараж спирт, сто́ит ли посвящать дядю Серёгу в то, что хочет обнести всё железо с водокачки или ну его нахрен, эти его стоны и морали, и проще нанять левый грузовик? Ещё бы срочно и без палева раздобыть где-то штук тридцать, а то и сорок алюминиевых канистр по двадцать литров...

Короче, нужно было решать всё чётко и по-быстрому, но вместо этого в башке крутилась лишь одна дебильная, похожая на радужного мотылка мысль: «Случайно промахнулась или специально поцеловала почти в губы?»

Дома ждал очумевший от скуки и голода Барс и жуткий бардак, которого раньше Данила почему-то не замечал. На-

вёл порядок, даже полы везде помыл. Раскопал в бельевой куче последний чистый комплект постельного, но так и не стал перестилать диван – решил, что лучше сделать это завтра, часиков около четырёх вечера...

Самонадеянно да, но, блин, а чего тянуть-то? Всё же уже было.

А может, ей выпить надо, чтобы расслабилась, как в тот раз? Нет, ну не водки, конечно, но, там, джин-тоник, например? Или вообще – martini?

Холодильник! Срочно нужен холодильник.

Разложил на кухонном столе деньги из вытяжки. Стопками, на самое насущное, что не терпит отлагательств: на спирт и канистры, на холодильник и стиральную машинку, на ремонт жигулёнка. Хватало на всё, даже немного оставалось.

Подумал, и отложил ещё на то, чтобы нормально одеться и не ходить перед Маринкой лохом, и на всякую развлекуху – кино, там, или даже театр, если захочет, на подарочек какой-нибудь цивильный, чтобы точно понравился.

Только бы Осетин не прокатил со спиртом.

Следующие три утра провёл в переговорах: объезжал пациентов, какие понадежнее и пооборотистее, предлагал тему со спиртом. Тема была интересная и довольно непыльная, к тому же цену Данила для начала не загибал, поэтому желающие находились. И хотя это было только начало, но уже сейчас по баблу картина вырисовывалась гораздо привлекательнее металлоприёмки, хотя душа, конечно, больше лежа-

ла к железу.

Вся эта суэта происходила в первой половине дня, а вот к вечеру его жизнь словно зависала в медленном полёте.

Каждый раз, появляясь на его пороге, Маринка сначала была зажата и даже слегка агрессивна. Словно защищалась, или как будто её силком сюда притащили.

Сходу раскритиковала новый холодильник, наехала, что нет нормального шкафа, куда можно сложить кучу барахла с пола. Телек, опять же, хреновый – пришлось на следующий же день снова залезть в денежную вытяжку и купить новый. Ну а уж про то, чтобы разложить диван, предусмотрительно заправленный под покрывалом чистой постелью, и речи не шло! Не стоило даже рыпаться.

Данила иногда закипал, с трудом сдерживаясь, чтобы не зарядить что-нибудь в обратку на её дерзость... Но вовремя притормаживал. Ведь она приходила – и это было главное. А ещё главнее – она ни разу так и не ушла ни в шесть, ни даже в половине седьмого, засиживаясь аж до половины девятого.

Потом сбегала, как Золушка с бала, и на вопросы придёт ли завтра, небрежно отмахивалась: «Ну если меня не закроют после сегодняшнего опоздания...»

Данила уже не знал, что думать: врёт она на счёт своего детского режима «до шести» или нет? Реально, даже здороваться перестанет, если он вздумает выследить, где она живёт, или понтуется?

Не понимал, почему ломается даже на счёт поцелуев и

прочих радостей жизни, типа рукоблудия, хотя при этом они сидят перед телеком в обнимку, и сама же она постепенно начинает провоцирующе елозить задницей или закидывать ноги ему на колени, выпрашивая, чтобы почухал. Но стоило ему только рыпнуться в ответ с более смелыми ласками – тут же вскидывалась: «Отвали, сказала же – без рук» или «Ещё раз, и я пойду домой!»»

Подмывало, конечно, зажать её и порешать быстро и красиво, как в тот раз. Ну попищит, конечно, побрыкается для виду, но потом сама же и добавки попросит. Можно подумать, Данила первый раз с такими дело имеет.

Но, блин... С ТАКИМИ действительно первый. Её хотелось таскать на руках и угождать капризам, лишь бы она благосклонно фыркнула и подставила под поцелуй хотя бы свою царственную ручку. Королевна, блин. Маленькая дерзкая зараза.

Капец, как хотелось её завоевать! Взять не силой, а измором. Довести до того, чтобы сама ходила за ним по пятам и, свернув свой упрямый хвост набок, орала благим матом мартовской кошки. Чтобы сама искала с ним встреч, сама ему в рот заглядывала. Чтобы как в тот раз сама попросила секса. И уж тогда он так её отжарит, что ходить не сможет!

При мысли об этом член стремительно, до сладкой, тянущей боли в паху, встал колом. По телеку шла какая-то хренатень, типа французского сериала, и Маринка с интересом смотрела её, не забывая, однако, периодически капризно по-

дёргивать лежащей у Данилы на коленях ножкой, чтобы не переставал почёсывать.

Гладкая, бронзовая кожа, стройная упругая форма... Не выдержал, повёл ладонью – от щиколотки и выше, по колену, по бедру и, внаглую, под юбку.

– Но! – шлёпнула она его по руке.

– Всё, всё! Не буду больше. Без рук! Всё!

Она глянула с предупреждающим прищуром и вернула ноги ему на колени. А Данила взял её за щиколотки и, соединив их вместе, сунул в зазор между загорелыми лодыжками свой стояк. Триканы, конечно, помешались, но всё равно, член вошёл в щель смачненько и кайфово, аж волосы на руках встали дыбом, и обсыпало мурашками спину.

Маринка вскочила, как ошпаренная, а он ржал, показывая ей ладони, и не мог остановиться:

– А ручки-то вот они!

– Ты вообще что ли? Озабоченный!

– Ну стойт у меня на тебя, Марин! Что я сделаю-то?! Я вон тебе три дня уже ножки чухаю, а на самом деле трахаться хочу! – Схватил член через штаны, угрожающе им тряхнул. – Видишь, или достать?

– Ты... Придурок!

Она кинулась к коридору, но Данила был быстрее. Перехватил возле комнатной двери, впечатал в неё спиной. Смех как рукой сняло. Смотрел теперь в перепуганные глаза и с трудом держался, чтобы не начать долбить кулаком в стену

с воплями: «Хочу я тебя! Хочу!»

Но вместо этого лишь с нажимом повёл ладонью по её щеке, а вместо ора с губ только хрип:

– Марин... Ну что ты творишь, а?

Она только молчала и хлопала глазами.

– Дура ты, Марин. Была б на твоём месте другая, давно бы оттрахал и забыл, а тебе ножки, блядь, чухаю. Думаешь, мне делать больше нехрен? – Стиснул её ягодицу. – Или ты думаешь, я железный?

Она испуганно сжалась.

– Не надо, Дань... Пожалуйста.

А он и без пожалуйста не смог бы сделать ей ни больно, ни насильно. Прижался лбом ко лбу, не отпуская её взгляд. Во рту пересыхало от нежности.

– Как целует хулиган, знаешь?

– Нежно-грубо! – словно отличница у доски выдала Маринка.

– Ответ неверный! – усмехнулся Данила, и, зажав её лицо, прильнул с поцелуем.

Целоваться было больно – ещё слишком свежи побои – но так сладко! Вот только она не отвечала. Оторвался от неё, по-прежнему близко-близко заглядывая в глаза.

– Так нечестно! – выдохнула Маринка. – Я правильно ответила.

– Не-а. Я эту хрень придумал, я и правила устанавливаю. Сегодня Хулиган целует нагло. Потому что у него, блядь,

кончилось терпение. Понимаешь?

– Так не честно...

– Да, я тоже так думаю! – зарылся пальцами в её волосы. – У нас же уже всё было, Марин. Было! Что теперь не так-то? Если я тебе противен, чего ты ходишь-то тогда ко мне? Ну? – Помолчал, заглядывая в самую глубину её переполненных слезами глаз. – Противен?

Она едва заметно мотнула головой.

– Нет.

– Тогда что не так?

Не ответила.

– Тогда кончай ломаться, капризулька, пойдём, лучше, любовью займёмся. Тебе понравится, обещаю.

Мягко потянул за собой, но Маринка упёрлась, и Данила психанул. Снова вжал в дверь и грубо, бесцеремонно сунул её руку себе в штаны, заставил обхватить член, крепко сжимая свои пальцы поверх её. Ткнулся раз, другой, закрывая глаза, ускоряясь. Накрывало. Так адски хотелось кончить, что просто грёбаный смысл жизни какой-то и ничего важнее... Краем сознания понял вдруг, что уже отпустил её руку, но она по-прежнему крепко её сжимает, и даже робко подаёт навстречу. Сама.

Глава 15

Время – ещё и семи не было, а Маринка, впервые за последние дни, уже стремительным шагом неслась к дому. Лицо горело, истерзанные поцелуями губы пульсировали.

А ведь ещё совсем немного, и она бы, наверное, решилась. В этот раз возбуждение было таким сильным, что ноги подкашивались. Чуть не доигралась. Дожилась. Как мать – с первым встречным. Меньше чем через неделю после знакомства...

... Ну вообще-то, всё случилось уже в первый день. Вернее ночь. Блин.

Но тогда это было по пьяни и из мести, а вот так, чтобы просто, потому что захотелось... Было стыдно. И как-то неправильно, что ли. Они же с ним даже не встречаются как парень и девушка, а так, просто, не пойми что: вместе хернёй страдают, время убивают. Но этого маловато для секса, разве нет? Чем она тогда будет лучше той же Катьки? Или Кира?

Да уже ни чем не лучше! Уже же всё было!

Щёки, казалось, светятся как раскалённое железо, и все вокруг это видят. А в ладони всё ещё ярко стояло ощущение: твёрдый, горячий... Трётся, с каждым мгновением напрягась всё больше... И мощно сокращается... и пальцы в липкой влаге...

От этого воспоминания, замирало сердце, и это было

непонятно. Кир никогда не сходил с ума настолько, чтобы кончить в штаны, да и сама она понимала, что как-то это ненормально, и дело заканчивалось ничем.

Данила же пугал своей бесцеремонностью. У такого на-верняка десятки баб, вон как он ловко убалтывает, как нагло лезет со своими поцелуями. С такого станется и изнасиловать, если посильнее накроет. И как бы он ни распинаясь, что завязал с хулиганкой, а есть в нём всё-таки какое-то отчаянное безрассудство. «Беспредельщик... Шпана отбитая...» – бурчал тогда на вокзале папа и, пожалуй, был прав.

Но в ладони до сих пор стояло ощущение, и оно до сих пор возбуждало – именно своей запретностью и стремительным напором со стороны Данилы. И это же пугало. Очень. До оцепенения.

Нормальные пацаны так себя не ведут. Кир так себя не вёл. В их паре все решения на счёт интима принимала Маринка, а Кир терпеливо ждал, хотя она видела – изводится. И это было правильно! Кир её уважал и берёг. А этот... Месячные, блин! Поимел как очередную подснятую на раз и даже ничего не понял. «Трахаться хочу... Чего ты ходишь-то тогда ко мне?.. Кончай ломаться, давай любовью займёмся...» Кир терпел почти год, а этот на третий день психанул.

На глаза набежали слёзы. Ну почему всё так дебильно? Ну неужели она сама виновата в измене Кира? Да и считать ли это изменой, если его вдруг просто накрыло так, что не устоять? Ну не мог он ей изменить сознательно, не мог! А

если и мог, то какая теперь разница, если она и сама больше не святая – возбудилась на Данилу так, что чуть не потеряла голову и даже собственными руками помогла ему кончить. И от этого даже не было противно.

А вот от себя – да. Ещё как!

– Надо же, какие люди, – сцепив руки на груди, встретила её в коридоре Оксана, – интересно, чем обязаны столь раннему возвращению? – в её голосе сквозила обида. Ещё бы! Последние дни Маринка только и делала, что безбожно врала и заваливала обещаниями, которые не выполняла. – Неужели, совесть проснулась? Надолго ли?

Маринка виновато опустила глаза, не зная, что сказать, но в дверь позвонили, и она с готовностью кинулась открывать. На пороге стояла Катька.

В первое мгновение Маринка почувствовала радость – тёплую и лёгкую, какая бывает при встрече с близким человеком, которого давно не видел, и только потом накатила резкая обида. Но за спиной стояла Оксана, а если учесть, что все эти дни Маринка задерживалась потому что «бывала у Катьки», то...

– Привет, – открыла дверь шире. – Хорошо, что зашла, я тебя как раз жду.

Но едва только уединились в комнате, как тут же заискрило.

– Чего припёрлась, Махонина?

Катька закатила глаза:

– Иванова, ну хватит уже, а? Если честно, то прям обидно даже! Ты по себе, что ли, судишь? Ты, может, с Женьком моим хотела бы отжечь, и поэтому и меня с Киром подозреваешь?

– Я не подозреваю! Я вас спалила!

– Да погоди ты, спалила она! Я знаю, как кулон мог попасть в подушку, только я не должна тебе это рассказывать, потому что обещала Женьке молчать. Но раз уж один хрен всё открылось... Короче, они с Киром незадолго до Италии приехали ко мне на такси с днюхи Ваньки Петрова. Ну в смысле – Женька ко мне приехал, а Кир домой собирался, но они задержались, выпили ещё, потом ещё, и надрались так, что оба завалились спать у меня.

– Угу, – скептически хмыкнула Маринка, – а ничего, что Кир так-то через пять домов от тебя живёт? Что, прям так нажрался, что тропинку к родной хате позабыл? Не верю, Махонина! И потом, а почему ты дядю Сергея не позвала, чтобы он его забрал?

– Ну, во-первых, он мог бы оказаться в рейсе, а во-вторых – а нафига мне это? У меня мать на сутках была, а эти – где рухнули, там и рухнули. Я им подушки под головы сунула и пусть спят. Всё! Не веришь, у Женьки спроси. Или у самого Кира. Он, между прочим, сначала меня попросил молчать, но я отказалась, и он подкатил к Женьке, и уже тот меня уломал. Или, кстати, у мамки моей – она, когда с ночной вернулась, была, мягко говоря, в шоке от этих двух трупов.

– Ну допустим, всё так и было, но зачем ему это скрывать?

– Ты серьёзно? Да ты ему за банку пива мозг выносишь, а тут – вусмерть нажрался, аж до дома не дошёл. Нет, ну правда – если бы не кулон, ты бы и не узнала никогда и всё хорошо, все спокойны. Я считаю, что Кир правильно сделал, что скрыл. Ты ведь тоже, знаешь, далеко не ангел, со своими вечными моральями. Бензопила Дружба, блин. Как будто он сынуля тебе или муж с тридцатилетним стажем, а не парень.

Долго молчали. Маринку медленно накрывало запоздалым ужасом.

– Ну и всё равно, – упрямо не желая признавать очевидное, цеплялась она за каждую мелочь, – почему ты только сейчас рассказала? Что, целую неделю не могла решиться? Аж на репы, бедная, ходить перестала!

– Да уезжала я! Я от тебя тогда вернулась, а возле дома отец в машине сидит. Мамку дождались, и она разрешила мне с ним на Дон поехать с палатками, сегодня только вернулась и сразу к тебе. Ну опять же – не веришь, у мамки моей спроси. А что там с репами, кстати?

– Ефимыч на твоё место Гаврилову поставил, – на автомате ответила Маринка и согнулась пополам, пряча лицо в ладонях: – Блин, Кать, какая я дура!

– Пфф... Тоже мне, новость.

– Нет, ты не понимаешь. Я капец, какая дура, Кать. Я же Киру отомстила, представляешь! В ту же ночь, когда от тебя сбежала. Просто... Мне так херово было, и я решила, что...

Бли-и-ин... – на глаза набежали слёзы. – Что я наделала...

– Ну, в смысле – отомстила? Дала что ли кому-то?

Из коридора слышалась возня и разговоры – раньше, чем обычно вернулся с работы отец, и Маринка словно пришла в себя.

– Напилась и до самого утра целовалась на скамейке с каким-то парнем. А сама даже имени его не знаю.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.